

**МИССИЯ
ВЫПОЛНИМА**

**ИГОРЬ
Атаманенко**

"ПРОРОК"

КТО ИЗНУТРИ ГЛАЗАМИ ПРОФЕССИОНАЛА

Миссия выполнима

Игорь Атаманенко

**«Пророк». КГБ изнутри
глазами профессионала**

«ВЕЧЕ»

2012

Атаманенко И. Г.

«Пророк». КГБ изнутри глазами профессионала /
И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ», 2012 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-8102-4

В конце 1960-х годов советской разведке стало известно, что на борт торговых судов, ходивших под флагами стран – участниц блока НАТО, поступил некий свод секретных документов, условно названный «Пакет». По имеющимся данным, «Пакет» содержал предписание, которое регламентировало действия судна и команды в случае возникновения ядерного конфликта. Кроме того, «Пакет» содержал блок рекомендаций, как избежать интернирования при нахождении в портах СССР и его союзников; какие меры нужно предпринять, находясь в нейтральных водах, при встрече с советскими субмаринами; вероятные маршруты перемещений в Мировом океане. Наконец, там находился шифр-блокнот с натовскими кодами, действительными в течение года. Отдельная служба в составе КГБ, возглавляемая генерал-майором Козловым, как раз и занималась поиском «Пакета». Тонкой ниточкой для распутывания этого клубка был некий Али Мохаммед, по кличке Пророк, африканец, первый помощник капитана итальянского танкера, регулярно посещавшего порты Советского Союза. Дело было за малым: склонить Мохаммеда к «жесту доброй воли» – выдаче «Пакета»... Это новое, дополненное издание популярного романа известного мастера остросюжетного жанра.

ISBN 978-5-4484-8102-4

© Атаманенко И. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

От автора	7
Часть первая. Операция «Секретный пакет»	8
Глава первая. Ганнибал Ганнибалович	8
Глава вторая. Он и она	12
Глава третья. Баклажан	15
Глава четвертая. Генерал Козлов	24
Глава пятая. Расстрел у Боровицких ворот	26
Андропов и Цвигун. Противостояние	26
Кандидаты в Геростраты	27
Прерванная телетрансляция	29
Что осталось за кадром	29
Фантастическое везение	30
Упущенные возможности	31
На исходных рубежах	33
Разбор «залетов»	36
Прогул в восемнадцать лет	37
Вместо послесловия	39
Глава шестая. Ставка на Арапа	40
Глава седьмая. И всё тайное становится явным...	41
Глава восьмая. «Плавающий ящик Пандоры»	44
Глава девятая. Пророк	47
Глава десятая. План выемки «Пакета»	50
Глава одиннадцатая. Феномен предательства	56
Предатели	56
Агенты влияния	60
Глава двенадцатая. Доктор Владимир Львович	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Игорь Атаманенко «Пророк». КГБ изнутри глазами профессионала

© Атаманенко И.Г., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Тайная война, длящаяся около трех тысяч лет, никогда не прекращалась. Бои ведутся и сегодня по всей линии невидимых фронтов, а офицеры-вербовщики и солдаты-агенты ни на один день не покидают своих окопов. Они гибнут не за металл – за информацию, ибо кто ею владеет – властвует.

Усилия спецслужб мира окупаются сторицей: под знамена Ордена тайных агентов рекрутированы наследные принцы и политические деятели, священники и проститутки, ученые с мировым именем и короли афер – все они азартно похищают стратегические секреты в пользу своих работодателей.

Автор далёк от намерения сгустить краски, но по прочтении этой книги вы обязательно зададитесь вопросом: «А кто сегодня не агент?»

Нелегко найти ответ, даже посмотрев на себя в зеркало. Не спешите сказать «нет». Не обольщайтесь: вас могут использовать втёмную. Спецслужбы это умеют.

История тайной войны не знает различия между благородной разведкой и низменным шпионажем – всё зависит от вашей точки зрения.

Прочитав эту книгу, вы сможете объективно судить о мотивах, которые подвигают людей к сотрудничеству со спецслужбами, о правомерности проникновения в иностранные посольства и квартиры ваших соседей для проведения негласных обысков.

Вы имеете шанс удовлетворить любопытство и, заглянув в замочную скважину сановных кабинетов, собственными глазами увидеть иностранных агентов влияния, которые разваливали Советский Союз.

Вы узнаете о похищении российской спецслужбой сверхсекретов НАТО и нейтрализации в Москве агентурной сети противника, занимавшейся добыванием информации о чиновниках из высших эшелонов власти.

Вы станете свидетелем того, как профессионалы уходят от слежки и сколько головокружительных кульбитов – куда там циркачам! – надо проделать «наружке», чтобы удержаться на «хвосте» у ведомого объекта.

Вам представится возможность увидеть людей нетрадиционной сексуальной ориентации в неожиданном ракурсе и несвойственном им амплуа – похитителей стратегических секретов.

Всё, что сегодня в деятельности секретных служб вам кажется невероятным и фантастичным, станет очевидным по прочтении этого, без преувеличения, сенсационного романа!

Никакого вымысла – только документальные материалы из рассекреченных архивов КГБ СССР!

Часть первая. Операция «Секретный пакет»

Глава первая. Ганнибал Ганнибалович

Олег Казаченко шагнул в кабину лифта, не подозревая, что перешел Рубикон. В углу стоял молодой человек в форме капитана милиции. Олегу, три года проработавшему в странах Восточной Африки, было достаточно одного взгляда, чтобы определить: незнакомец состоит в родстве с уроженцами Черного континента. Однако африканская кровь была основательно разбавлена европейской – цвет кожи молочно-белый, нет ни расплющенного носа, ни вывернутых коровьих губ. Только черные курчавые волосы и карие, чуть навывкате, глаза подсказывали, в каком направлении следует искать генеалогические корни капитана.

После взаимных приветствий Арап – так окрестил Олег попутчика – откинул голову назад и вперил взгляд в несуществующую точку на потолке.

«Не хилого сложения мальчик, – подумал Олег, исподволь наблюдая за соседом, – при моих 182 см, он почти на полголовы выше. Ба! Да у него, кроме юбилейных и “песочных” – за выслугу лет – орденских планок, одна “Отвага” и одна “За отличие при охране госграницы СССР”. Негр – орденосец?! – Олег даже головой тряхнул от неожиданного открытия. – Второй месяц пошел, как я в Москве, а у меня всё времени нет заняться изучением своего окружения, черт! Всё! Арап – это последняя капля... Сегодня же наведу справки, кто живет на моей площадке!»

Створки лифта распахнулись. Капитан, стоявший в пол-оборота, повернулся к Казаченко лицом.

– Подвезти, Олег Юрьевич? Вам же в центр...

«Какова прыть! – не без восхищения отметил про себя Казаченко. – Пока я перевожу контейнеры с мебелью, обживаю новое жилище, обо мне уже справки успели навести, рентгеном просветить... С секретом этот капитан, не то что я, – простофиля!»

– А вы – профессионал, капитан! – не моргнув глазом отреагировал Казаченко.

– Служба обязывает... – как-то уж слишком кротко для милиционера ответил Арап.

– Ну, давайте уж тогда уравнием наши шансы. Я ведь не знаю, как вас...

– Аношин Ганнибал Ганнибалович, или просто – Пал Палыч...

С готовностью ответил «Арап» и широко заулыбался. Жестом указал на стоящий у подъезда милицейский уазик.

«Прекрасная улыбка, – мелькнуло в голове у Олега, – обезоруживает и притягивает».

– Сначала на Лубянку! – приказал Арап, усаживаясь рядом с водителем.

По дороге каждый молча переваривал старт очного знакомства. Интуиция подсказывала Казаченко, что эта встреча будет иметь продолжение. Поездка в лифте, а затем в уазике – лишь начало. Годы службы в оперативных подразделениях КГБ приучили Олега рассматривать знакомство с новым человеком с позиций целесообразности вовлечения его в орбиту органов госбезопасности.

– До встречи... – бросил Олег, выходя из машины.

...Когда Казаченко вошел в свой кабинет, в ушах у него продолжали звучать слова «Арапа»: «Служба обязывает»...

– Раз так, – произнес Олег вслух, подвигая к себе телефонный аппарат, – меня обязывает вдвойне! Сейчас выясним, капитан, что это за служба у тебя такая, что обязывает?

– Алло! Здесь – подполковник Казаченко. Мне нужно установить лиц, проживающих по Краснопресненскому валу. – Олег продиктовал адрес и номера квартир на своей площадке. –

Санкция? Через час получите. Не теряйте времени, майор. К вечеру материалы должны быть у меня на столе!

* * *

К обеду Олег уже знал, что на его площадке проживает супружеская пара учителей-пенсионеров, к которым на субботу и воскресенье приезжают внушки-близняжки из Подольска; одинокий алкоголик, который в промежутках между пребыванием в психонаркологических лечебницах, промышляет сбором пустых бутылок в районе Тишинского рынка.

«Это из какой же среды надо иметь осведомителей, – мелькнула мысль у Олега, – чтобы в одночасье получить такую точную информацию!»

И, наконец, Аношина Анна Павловна, уроженка деревни Отрыгово Красногорского района Московской области, 1937 года рождения, русская, заместитель генерального директора «Трехгорной мануфактуры», в прошлом депутат Моссовета, неоднократно отмеченная правительственными наградами. Проживает совместно с сыном Аношиным Ганнибалом Ганнибаловичем, 1958 года рождения, уроженцем Москвы, русским (!), сотрудником ГУВД Москвы.

«Похоже, интуиция меня не подвела и продолжение следует!» – подытожил Олег, вкладывая справку в папку, на обложке которой жирнофломастерно вывел Арап.

Еще через день Казаченко продвинулся несколько дальше в глубь лабиринта двух человеческих судеб, скрытых за неприметной фамилией Аношины.

* * *

Ознакомившись с личным делом № 190549 капитана милиции Аношина Ганнибала Ганнибаловича, Казаченко сделал для себя несколько выводов.

Первое. Капитан по своим личным и деловым качествам, наконец, происхождению может представлять безусловный интерес для Комитета при проведении специальных операций.

Умен, смел, бескорыстен, общителен. Физически вынослив. В достаточной мере владеет английским языком. К употреблению наркотических средств и алкогольных напитков предрасположенности не имеет. Женат не был.

В 1976–1978 годах проходил службу в погранвойсках, там же вступил в ряды КПСС. В бою с вооруженной группой контрабандистов на участке Пянджской погранзаставы был ранен. Несмотря на ранение, в одиночку в течение часа удерживал участок границы, не допустив прорыва контрабандистов на территорию СССР. С поля боя вынес на себе раненого заместителя погранзаставы.

Получил квалифицированную оперативную подготовку в Московской школе милиции. Службу в органах МВД начал участковым инспектором, затем работал в подразделениях уголовного розыска. В настоящее время занимает должность начальника отдела Управления виз и регистрации ГУВД г. Москвы, заочно обучается на третьем курсе Академии МВД СССР. За границей не был. Данные периодического изучения Арапа спецподразделениями МВД, как и архивы КГБ, свидетельствуют, что в поле зрения спецслужб противника он не попадал. За мужество, проявленное при защите государственной границы Союза ССР, награжден медалями «За Отвагу» и «За отличие в охране госграницы СССР».

Второе. Надо срочно довести изучение Арапа до логического завершения, запросив возможно имеющиеся в архиве КГБ материалы на его отца.

Третье. В целях определения возможности использовать Арапа в операциях КГБ по объекту «Пророк», установить с капитаном оперативный контакт.

Тихо тренькнул аппарат прямой связи с шефом.

– Слушаю, товарищ генерал-майор... Есть!

Запирая дело капитана Аношина в сейф, Олег вдруг вспомнил его дату рождения: 19 мая 1958 года. Нет, биографией Арап совсем не похож на так называемых «фестивальных мальчиков» – детей, зачатых иностранцами, участниками Международного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве в 1957 году. Уж больно сложен и сам, и его жизненный путь!

* * *

Когда Олег приоткрыл двойную, с тамбуром, дверь кабинета генерала Козлова, тот размеренно прохаживался по мягкому ковру. Увидев вошедшего, он молча кивнул и жестом указал на стул рядом со своим рабочим столом. Неспешно подошел к массивному сейфу, вынул красную папку.

«Первыми ходят “красные” – значит, что-то весьма срочное», – мелькнуло в голове Олега.

Пока генерал искал нужный документ, Казаченко по выражению его лица пытался определить, какого «заряда» – с «плюсом» или «минусом» – ожидаются новости.

Генерал всё так же молча протянул через стол бланк шифртелеграммы. Коллеги из Первого Дома (внешняя разведка) сообщали, что объект дела оперативной разработки «Пророк», 12 октября, то есть через два месяца, прибудет в порт Новороссийска под итальянским флагом на танкере «Джулио Чезаре» в прежней должности первого помощника капитана судна. Капитан прежний. Команда в полном составе без изменений.

Генерал, мягко поднявшись из-за стола, теперь бесшумно вышагивал за спиной у Казаченко.

«При достаточно грузной комплекции у шефа удивительно легкая, прямо таки кошачья поступь, – подумал Олег, – ребята, давно знающие шефа, говорят, что в юности он был мастером спорта по акробатике и запросто делал двойное сальто назад».

– Ты обратил внимание, Олег Юрьевич, – генерал заставил Казаченко оторваться от телеграммы, – у них всё прежнее: капитан, судно, команда, Пророк, наконец... А у нас? Тоже всё без изменений? Так до сих пор под «Пророка» никого и нет? За последний год судьба нам третий шанс предоставляет...

«Ну, шеф, этот камень – не в мой огород. Я в Службе всего-то три месяца!»

Додумать Олег не успел.

– Понимаю, ты у нас человек новый, – с расстановкой произнес генерал, – но четвертого раза не будет!

Сказал, как гвоздь вбил.

– Леонид Иосифович, через два дня я буду готов доложить свои соображения. Но сейчас нужна ваша помощь...

– Пожалуйста...

– У коллег из Первого Дома надо запросить для ознакомления дело на...

Олег протянул Козлову пожелтевшую визитную карточку, обнаруженную в личном деле Аношина.

– Поздравляю... Недурственно! – усмехнулся генерал. – Спать – так с королевой. Вербовать – так члена императорской фамилии... Знаешь ли ты, Олег Юрьевич, что эта династия более тридцати лет правит Чадом. И если он «в работе», – генерал помахал визиткой, – то нас к нему на пушечный выстрел не подпустят. Более того, еще и подписку о неразглашении отберут...

– Ну, подписками, товарищ генерал, нас не запугать – столько раз давали... А потом, мне ведь только-то и надо: получить дополнение к имеющимся данным, то есть одним глазом...

– Так и я о том же! Одним глазом... Кстати, а как ты на него вышел?

– Да болтается тут в Москве его сын, – нарочито небрежно произнес Олег.

– Из Университета дружбы народов?

– Нет, из МВД... Служит он там... начальником отдела...

Козлов замедлил шаг, *протяжно* взглянул на Казаченко. Лицо шефа не выражало ни удивления, ни вопроса. Как посмертная маска.

«Вот это – выдержка!» – с восхищением подумал Казаченко, вспомнив из рассказов сослуживцев, как Козлов, находясь в Афганистане пять лет назад, поймал летящую от душманов гранату и хладнокровно метнул ее обратно.

– Эффекты любишь, Олег Юрьевич, ну-ну...

Генерал наклонил голову и продолжил кошачье передвижение по кабинету.

– Товарищ генерал! – Олег поднялся из-за стола. – Вы сказали: «Четвертого раза не будет». Но я-то пробую *впервые*. Так что же? Для Казаченко и первого раза не дано?!

– Не наезжай, Казаченко, – уже примирительно сказал генерал. – Данные оставь. Если допустят до этого, – Козлов кивнул в сторону листа с анкетными данными, – «черного тела», через час получишь дело. А через два дня доложишь мне все материалы... Всё, свободен!

«Что-то шеф рифмой заговорил: «тело-дело», – подумал Олег, выходя из кабинета начальника.

Генерал Козлов слово сдержал: дело находилось в архиве, и через час он передал его Казаченко.

Глава вторая. Он и она

В апреле 1991 года в Москву необычно рано пришла дружная весна. В воздухе витал аромат распускающейся листвы и молодых трав. Далеко за полночь *Он* возвращался домой с затянувшейся до полуночи Коллегии. В начале Гоголевского бульвара попросил водителя остановить машину.

– Не грех и прогуляться при такой погоде... Завтра – как обычно, Саша... Спокойной ночи!

Не дожидаясь ответа, резко выбросил свои ноги на кромку тротуара. Через Арбатский лабиринт дворов и переулков неспешно направился в сторону своего дома.

«Вот оно в чем дело, – подумал *Он*, увидев выглянувший из облаков желтый таз луны, – проклятое полнолуние!»

Тупая боль в затылке, безразличие и отрешенность – всё, о чем его предупреждали врачи во время пребывания в госпитале, – усиливалось именно в период полнолуния. По завершении реабилитационного отпуска *Он* искусно сумел внушить руководству и сослуживцам мысль о своем полном восстановлении и так глубоко вошел в роль здорового человека, что и сам порой забывал о случившейся годом ранее автомобильной катастрофе и полученной черепно-мозговой травме. Природе приходилось одергивать его, напоминая, кто хозяин. Вот и сейчас...

Он потер затылок и полез в карман за таблетками – вокруг ни коллег, ни жены: можно не притворяться здоровым. Через десять минут тупая боль уйдет. Хотя... Ладно бы только головная боль и астения – посттравматический упадок сил и безразличие. С ними *Он* справился бы и сам – на то и воля. Худшее было в другом: вот уже год любимая жена не вызывала в нем естественных для здоровой мужской плоти желаний. Да что жена! Со времени выписки из госпиталя ни одна женщина еще не заставила проснуться его мужское начало. Влечение к противоположному полу атрофировалось. Мысль, что это конец мужской активности, не раз будила его среди ночи, бросала в холодный пот, а наблюдать в зеркало свою бессильную причинную плоть, – всё равно что созерцать надгробие на собственной могиле. Ведь ему не было еще и пятидесяти...

Первые три месяца его *Енотик* – так ласково называл свою жену *Он* – делала вид, что всё идет, как шло, без изменений. Давалось ей это огромным усилием воли, так как за двадцать лет супружеской жизни *Она* успела привыкнуть к сексуальной неумности своего *Муравейчика* – так ласково называла его *Она*, – который все эти годы с нетерпением жениха переносил даже вынужденную ежемесячную паузу в их интимных отношениях.

По прошествии пяти месяцев посттравматической абстиненции он стал регулярно присутствовать на эротическом шоу. И ни где-нибудь, а в своей спальне. *Енотик* вдруг взяла за правило перед сном примерять привезенное им из-за рубежа роскошное нижнее белье, кружевные чулки, слишком смелые для женщины ее возраста купальники.

О, это было нечто! *Она* то принимала непристойные позы, то невзначай задирала подол ночной сорочки до уровня лобка, то норовила пнуть его обнаженной ногой, да так, что ее промежность обязательно нависала над его лицом. *Она* кружилась вокруг себя, повизгивала, смеялась, вслух хвалила свои бедра, ноги, грудь. Войдя в роль, она, казалось, не замечала его присутствия. *Он* же безучастно наблюдал за ее экзерсисами, каждый раз отводя глаза в сторону, чтобы не встретить ее влекущий взор:

«Ну, *Муравейчик*, давай, давай же! Воспрянь! Я хочу тебя... Возьми меня всю. Я готова отдаться! Ты ведь знаешь: женщина в сорок пять – хочет и опять, и опять, и опять».

«Надомный стриптиз» – так окрестил *Он* потуги жены спровоцировать его на сексуальный поединок – неизменно заканчивался его надуманными просьбами то приоткрыть фор-

точку, то принести воды, то снотворное. Оно помогало ему за завтраком не испытывать угрызений совести ни перед собой, ни перед женой из-за своей мужской несостоятельности.

В то же время, оставаясь наедине с самим собой, лежа с закрытыми глазами в ванне, наполненной теплой водой, *Он* воскрешал в памяти подробности постельных баталий с женщинами, которыми обладал. Пытался руками и струей душа добиться восстания плоти. Безуспешно.

Через некоторое время *Он* настоял, чтобы в медсанчасти ему провели курс витаминотерапии группой «Б». Безрезультатно. Желание обладать женщиной – не только *Енотиком*, но и плодами запретными – секретаршами – отсутствовало напрочь!

По выходным дням под предлогом ремонта своего потрепанного «трабандта», подаренного коллегами из ГДР, он запирался в гараже, часами листал журналы со снимками западных порнодив, время от времени мастурбируя. Какое там! *Машина* не заводилась...

Наконец, *Он* смирился. Выжидал. А вдруг! Памятуя высказывание Фрейда о том, что работа, курение, наркотики – суть замена первой в жизни пагубной привычки – мастурбации, – *Он* начал работать на износ, чтобы выместить мысли о своей половой неспособности.

В редкие часы досуга *Он* с сожалением думал о неутоленных желаниях своего *Енотика*, чьи попытки наладить прежние интимные отношения сменились в конце концов молчаливой покорностью.

Он был благодарен жене за ее такт и терпение. Ни малейшего упрека. Только тихая грусть. *Они*, казалось, заключили немой пакт: *Она* – не домогается, *Он* – не оправдывается.

В поведении и настроении *Енотика* произошла резкая смена с появлением в их доме щенка по кличке Султан, немецкой овчарки пяти месяцев от роду.

Однажды подруга семьи Лана – женщина, знавшая толк в мужчинах и сексе, – привела к ним в дом полугодовалого щенка немецкой овчарки. Просила присмотреть за ним полгода-год, так как хозяева Султана якобы уезжают в долгосрочную заграничную командировку.

Поначалу *Он* стоял насмерть: «Нет и всё!» *Енотик* робко оказывала ему поддержку. Лана метала громы и молнии:

– Я же пообещала своим друзьям, – хозяевам Султана, – что передам его в надежные руки. Что же вы меня подводите?! Ну и что, как не держали живность в доме? Считайте, что теперь завели. Кроме прочего, через пару месяцев будете стройными, как топольки. Ведь Султана надо дважды в день выгуливать. А хозяева еще и оплачивают пансион своего пса, – с этими словами подруга открыла сумочку. – Вот, целую тысячу дали!..

Ему тогда показалось, что *Енотик* поддалась на последние доводы подруги: «постройнее» и «самоокупаемость».

Месяца через три после увеличения семьи на четвероногого члена *Он* обратил внимание на некоторые, мягко говоря, странности в поведении Султана, ставшего к тому времени заматеревшим кобелем.

Стоило *Енотику* прилечь с книгой на тахту и немного раздвинуть согнутые в коленях ноги, как пес, будто по команде, оказывался тут как тут, норовя уткнуться мордой женщине в лобок.

Каждый раз при этом *Енотик* вскакивала, запахивала халат, махала руками перед пастью Султана, крича: «Фу! Фу!» – неизменно поворачивалась к наблюдавшему эти сцены мужу, пожимала плечами и смущенно говорила: «Скоро суку ему надо будет искать...»

Для него эти слова с каждым днем звучали всё менее убедительно. *Он* решил поэкспериментировать.

Однажды в воскресенье, сославшись на недомогание, *Он* неоднократно устраивался на тахте и раздвигал согнутые в коленях ноги. Негромко, чтобы не услышала с кухни жена, подзывал кобеля и при его приближении пытался засунуть его морду себе в пах. Безрезультатно! Пес вырывался, игриво рычал, но всякий раз убегал на кухню к хозяйке. На эксперименты были

потрачены несколько выходных дней. Никакой реакции. Псина реагировал только на раздвинутые ноги *Енотика*.

Спустя некоторое время *Он*, озадаченный избирательной активностью пса, затребовал из служебной библиотеки всю имеющуюся литературу о женской сексопатологии. Через двадцать минут беглого чтения всё стало на свои места. Подтвердились его смутные подозрения о сексуальной природе поведения Султана, стало понятно его основное предназначение в доме.

«Куннилингус – лизание клитора *Енотику* – вот оно – предназначение кобеля в нашем доме, а не потому, что его хозяйева уехали за рубеж! Да и были ли у него хозяйева? Скорее, их и вовсе не было. Эти чертовки – Лана и *Енотик* – мастерски разыграли передо мной спектакль по передаче Султана в надежные руки. Молодцы бабы! – *Он* был искренне восхищен находчивостью женщин. – Впрочем, уж лучше Султан о четырех ногах, нежели кавказский князь о двух и в кепке “а ля аэродром”. Да и меня *Енотик* пощадила: не стала устраивать истерик. И на том спасибо!»

* * *

Случайно *Он* задел ногой лежащий на тротуаре спичечный коробок. Треск рассыпавшихся в ночной тиши спичек прервал его размышления.

«Ну вот, я уже дома. Сейчас женское общежитие. Спасибо Султану. Вечерние прогулки с ним помогли изучить окрест. Ба, да здесь тоже не спят!»

Из настежь распахнутого, освещенного окна душевой комнаты в погруженный в ночную дрему переулочек выплескивались шум воды, девичий визг и смех, звуки шлепков по голому телу.

– Ой, девочки, я сейчас приплыву, ой, уже!

Резанул слух срывающийся вопль одной из купальщиц. Как вкопанный, *Он* замер напротив окна. Кровь застучала в висках, во рту вмиг стало сухо. Ничего подобного *Он* не испытывал с тех пор, как еще первоклашкой подглядывал за своей бабушкой, купающейся в реке.

Он лихорадочно огляделся. Никого... Только полная ухмыляющаяся луна в разрывах облаков. Неведомая сила толкала через дорогу. Повинуясь, он сделал несколько шагов, приблизился вплотную к манящему окну. Воспаленное сознание подсказало, что без помоста до подоконника не дотянуться...

«Быстро за угол! – скомандовал внутренний голос, – там пивная, возьми пару ящиков!»

В полузабытьи *Он* бесшумно поставил ящик на ящик, по-кошачьи достиг верхнего. Сердце уже колотилось не в груди – в горле.

Купальщицы, судя по голосам, были так близко, что *Он* вдруг ощутил себя среди них. Смех вдруг смолк. Теперь из окна горячими волнами выкатывались сладострастные стоны разной тональности. Девочки явно были чем-то очень заняты.

«Но чем?!»

Он заглянул внутрь. На банном мраморном столике, раскинув ноги и руки, лежала на спине крупная девица. Две другие, миниатюрные, расположились над нею друг за другом, паровозиком.

«Закольцованный непрерывный цикл, – глубоко вздохнув, отметил *Он*. – Слаженно работает лесбийское трио!» – только и успел подумать *Он*, как вдруг горячая волна оргазма, окатив низ живота, поднялась вровень груди.

Глава третья. Баклажан

Усевшись удобнее в кресле, Казаченко открыл полученное из архива Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) дело агентурной разработки Ганнибала Сесе Секо Куку Нгумбенду Ваза Банга, старшего сына императора.

С цветной фотографии Олегу улыбалось мужественное, отливающее иссиня-черным баклажанным блеском лицо наследного принца. Диссонансом звучал лишь галстук-бабочка немислимой канареечной расцветки.

«Да, в такое лицо можно влюбиться, – автоматически отметил Олег и пробежал глазами по скудным биографическим данным Ганнибала. – Ага, вот и начало!»

Впервые в поле зрения резидентуры КГБ, действовавшей с позиций советского посольства в Чаде, кронпринц попал в 1955 году, начав посещать курсы русского языка при посольстве СССР в Нджамене.

Пятнадцатилетний африканец обратил на себя внимание преподавателей (читай: офицеров КГБ) не только тем, что приезжал на «мерседесе» в сопровождении телохранителей. Таких было немало, ибо посещение курсов входившего в моду русского языка становилось своеобразной прихотью в кругу отпрысков правящей африканской элиты.

Никита Хрущёв решил нанести международному империализму удар в подбрюшье, совершив обходной маневр.

Выползну из сталинского окружения – Хрущёву – не давали покоя лавры вождя всех времен и народов. Иосиф Сталин сумел воздвигнуть форпост социализма в Восточной Европе. Не сумел только продвинуть границы советской империи до Босфора и Дарданелл, так как американцы издалека, из Хиросимы и Нагасаки, погрозили нам атомной дубинкой. Но теперь-то, в 1955 году, силы были почти равны. Теперь ядерная палица стояла и за креслом Первого секретаря Председателя Совмина Союза ССР Н.С. Хрущёва. Почему бы не попробовать превзойти генералиссимуса, и овладеть Африкой! Нет, не в ходе боевых действий, – в ходе наступления идеологического.

Что толку пробуждать классовую ненависть у разжиревшего гегемона – рабочего класса – Соединенных Штатов и Западной Европы к доморощенным капиталистам, когда идеи коммунизма быстрее смогут восторжествовать в Африке? Именно там «мы наш, мы новый мир построим», а уж затем «до основания разрушим» капиталистические цитадели США, Англии, Франции и в других их колониях!

Неплохая задумка, да? От перестановки воспетых в «Интернационале» слагаемых итоговая сумма, то есть триумф коммунистической идеологии на Земле, измениться не мог. Нет, безусловно, на содержании КПСС продолжали оставаться компартии в странах так называемой западной демократии, но направление нашего главного идеологического удара сменилось и теперь было нацелено на африканский континент. Африка – это стратегический простор, где можно развернуть в боевые порядки пропагандистские армии, способные с ходу брать целые африканские страны. Продвижение же коммунистических идей в США и странах Западной Европы представлялось советскому руководству уличными боями в осажденном, хорошо укрепленном городе, где каждый дом огрызается контрпропагандистским огнем на поражение. Потери велики, а результат? А ведь каждые четыре года надо рапортовать съезду и стране о наших семимильных шагах и достижениях. Нет-нет, в Отчетных докладах места поражениям быть не может!

Учение коммунизма – не догма. Кто сказал, что путь к торжеству коммунистической идеологии не может пролегать через Черный континент?

Да, дорога, которую намеревался осилить Никита Хрущёв, даже не снилась основоположникам научного, а затем и практического социализма. В общем, даешь мировую революцию в союзе с Черной Африкой!

* * *

Каждый советский лидер пытался предстать перед своим народом в обличье первопроходца. Никита Хрущёв исключением не был. Хотя на октябрьском 1964 года Пленуме ЦК он был заклеен как волюнтарист и *первопроходец*. Но это – потом. А с 1955 года лучшие умы советской разведки были брошены в качестве бакалавров и магистров всех мыслимых наук в спешно созданные центры и общества «ням-ням-бум-бум – советской дружбы» в африканских странах.

Партия сказала: «Надо!»

КГБ ответил: «Есть!»

Объективные исторические условия тому способствовали. «Вихри враждебные» антиколониального протеста уже веяли над Черным континентом. Надо было аккумулировать эту энергию, а затем направить ее на раскручивание крыльев ветряных мельниц советской идеологии. Кто мог быть проводником наших идей? Верно: передовые люди африканских стран. И лучше, если они пройдут обучение в вузах первой в истории человечества стране социализма. Но сначала самых прогрессивных надо отобрать методом оперативной селекции на курсах русского языка при наших посольствах в африканских странах.

* * *

Казаченко, изучая дело агентурной разработки, не мог не отдать должного виртуозной работе своих коллег с Ганнибалом. Хотя кое-где, как патина на бронзе, с течением времени белыми пятнами проступили и промахи наших разведчиков.

Венценосного отпрыска обложили, как «волка красными флажками». Сотрудники резидентуры фиксировали каждый его шаг через на вербованных в окружении монарха осведомителей из числа гувернеров Ганнибала. Все его поступки тщательно анализировались. Постоянным опросам подвергались даже французские проститутки местных борделей, куда престолонаследник захаживал, дабы вкушать подпорченных плодов европейской цивилизации, а заодно самоутвердиться в собственном превосходстве:

«Смотрите, я – черный. Вы – белые. Но покупаю вас – Я. И делаю с вами, что взбредет мне в голову».

Принц посещал курсы русского языка при советском посольстве уже полгода, когда вдруг местный французский репортер предложил нашим дипломатам приобрести подготовленную к публикации статью о скандале, якобы случившемся с сыном африканского помазанника Божьего в одном публичном доме, где он якобы изувечил французскую проститутку, отказавшую ему в соитии, сославшись на то, что у малолетки слишком большой «баклажан». Статья эта, вместе с фотоснимком Ганнибала, выходящим из борделя, была подшита в деле. За отказ опубликовать разоблачительный материал репортер запросил 15 000 франков (сумма по тем временам сумасшедшая).

Без согласования с Центром притязания шелкопера были удовлетворены. Реноме будущего императора, благодаря оперативному фонду резидентуры, не пострадало.

* * *

Казаченко откинулся в кресле. Закурил.

«Что это? Шантаж, инициированный делягой-репортером, тонко прочувствовавшим конъюнктуру и решившим в одночасье разбогатеть, продав нашей резидентуре компромат на представителя высшей власти Чада? Ну а если допустить, что этот шантаж – составная часть игры, проводимой моими французскими или американскими коллегами? Игры, в которой журналогу держали за мальчика, подающего мячи? Американцы и французы не могли не заметить возни, которую мы затеяли вокруг принца, так? Так! Допустим, они фабрикуют компромат и через шелкопера предлагают его нам. А для того, чтобы определить, насколько мы дорожим отпрыском, назначают баснословную цену выкупа за отказ от публикации подробностей инцидента. Заплатим, значит, дорожим. А если дорожим, значит, делаем на него ставку. И рассматриваем преемника как будущего кремлевского наместника в Чаде. Логично! Значит, история с изувечением в публичном доме – всего лишь заранее просчитанный и подготовленный ход американцев или французов...

«Ладно, – примирительно сказал себе Казаченко, – американцы, французы... Сейчас это не принципиально. Да и вообще, всё это – лишь гипотезы!»

Гипотезы в дальнейшем нашли подтверждение в реальных событиях, описанных в деле.

Условия работы нашей резидентуры, действовавшей с позиции советского посольства в Чаде, осложнялось тем обстоятельством, что император в 1955 году не мог определиться в выборе союзников для укрепления собственной авторитарной власти. Амплитуда колебаний шкалы его идеологических ценностей была непредсказуема. Действительно, спустившись с пальмы, где ты прожил большую часть сознательной жизни, поневоле будешь нетвердо стоять на ногах.

Так было и с императором. Продолжая играть роль послушного французского сателлита (Чад в то время продолжал оставаться колонией Франции), он, тем не менее, все чаще с вождением смотрел на северо-восток, туда, где находилась Москва.

Одной рукой он направил своего сына-преемника на курсы русского языка при советском посольстве, другой – в полицейскую школу с инструкторами-французами. И если придворная знать блефовала, указывая в посольских анкетах вымышленное происхождение своих детей, то император сделал решительный ход, указав истинное социальное положение своего сына.

Жест повелителя Чада немедленно стал достоянием Центра. Сотрудники КГБ, они же – преподаватели курсов русского языка при посольстве, – взялись за разработку Ганнибала с присущим славянам рвением, присвоив ей кодовое название «Баклажан». Вложение нематериального капитала в принца – Баклажана – сулило материальные блага: продвижение по службе, ордена и назначения в резидентуры престижных стран.

В Первом главном управлении КГБ всегда было больше прагматиков, нежели романтиков. Плох был тот советский разведчик, работавший под прикрытием в Африке, который не мечтал поменять африканскую визу в своем дипломатическом паспорте на визу какой-нибудь западноевропейской страны или США.

* * *

Ганнибал был пытлив и прилежен. Через два года занятий, к началу Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году, он бегло говорил по-русски, отличал пельмени от вареников, успел попробовать черного хлеба и сельди пряного посола под водочку. При этом не преминул отметить, что русские ближе к африканцам, так как изобрели *черный*

хлеб. В то время как американцы и западные европейцы – наоборот, изобретением *белой* туалетной бумаги дистанцировали себя от аборигенов африканских джунглей.

Со слов принца, ему по вкусу пришлась *красная* икра, напоминавшая ему красные стяги Великого Октября, о которых он столько слышал от своих наставников-преподавателей (читай: офицеров КГБ) на курсах русского языка.

Этими своими репликами Ганнибал вызвал неподдельный восторг у резидента, который, расценив слова Баклажана как приглашение к танцу, немедленно отбил в Центр победную реляцию-шифровку:

«Баклажан созрел. Плод пора сорвать».

Что на общедоступном языке означало:

«Основа для вербовочного подхода устойчива. Прошу Вашей санкции по проведению активных мероприятий в отношении объекта».

«Да, – хлопнув ладонью по делу, вслух сказал Казаченко, – простодушный подхалимаж из глубины африканских бунгало питоном обвил разработчиков из резидентуры. Они услышали то, что хотели слышать, и поверили в то, во что хотели верить. Плюс, чувство славянского превосходства над чернокожими оказало им медвежью услугу. Короче, Баклажану удалось накормить всю резидентуру семечками в шоколаде, а они решили, что игра уже сделана, и рванули к окошку выдачи вознаграждений. Н-да...»

Вновь углубившись в чтение разработки, Казаченко понял, что Центр не разделял оптимизма своих «колониальных» сотрудников, мудро выжидая в тиши и прохладе Лубянских кабинетов: «Мало ли, что им там, в Африке, с жары да с джинового и вискаревого похмелья привидится. Не спешите, ребята, примеривать полковничьи да генеральские папахи. Не пришлось бы вам примеривать противогазы на передовой».

И надо сказать, что в мире в ту пору изрядно попахивало порохом – температура холодной войны с каждым годом все ниже опускалась на политическом градуснике.

Ответ Центра был неоспорим:

«Обезьяну хорошенько пощупать за попку!»

Что на общедоступном языке означало:

«Изучение объекта продолжить и впредь скоропалительных решений не докладывать».

Олега так увлекло оперативное бытописание жития Ганнибалова, что он с удивлением посмотрел на зазвонивший телефон. Еще бы. Из джунглей вмиг перенестись в служебный кабинет на Лубянке, тут и до кессонной болезни – один шаг!

Звонила жена. На кухне потекли краны.

– Таня, набери «09» и узнай, какое РЭУ или ЖЭК, как, черт подери, у них в Москве называется контора, которая обслуживает наш микрорайон... Всё-всё... Обедать не приду... Занят! Целую...

Положив трубку, Казаченко подумал:

«А почему я сказал “у них в Москве?” Может, потому, что я мысленно... в Африке?»

От этого умозаключения он повеселел, оно придало энергии.

* * *

К открытию Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве папа Ганнибала, или, как прозвали его подданные, Большой Куку, сбросил ярмо французского колониального господства и присовокупил согласно веяниям времени к должности Императора звание Председатель-основатель Партии народное движение революции Чада. Заместителем по

партии стал, разумеется, его старший сын Ганнибал (он же – Баклажан), что немедленно было доложено в Центр.

К указанному времени Ганнибал с успехом окончил курсы русского языка и полицейскую школу, проявив недюжинные способности как в лингвистике, так и в познании оперативно-розыскных премудростей. Русские и французские спецнаставники наследного принца Чада не могли нарадоваться на свое чадо.

Но кот по имени Ганнибал гулял сам по себе.

Резидентские осведомители из числа гувернеров наследника доносили, что последний, садясь на унитаз в домашнем туалете, произносил как заклинание:

«Мой унитаз – это мои французские и русские учителя. Вот смотрите, я кладу вам за пазуху свое черное дерьмо, а вы его проглотите. И так будет всегда. Я – черный – использую вас как свой белый унитаз».

Жаль, не дожил до этих времен основоположник теории о комплексах неполноценности Альфред Адлер. Какой материал для исследований, какое раздолье для творческой мысли и научного поиска!

* * *

Поиском, но не научным, а оперативным, занялись другие. Русочубые парни-крепьши из московской Службы наружного наблюдения.

Дело в том, что все прибывшие на фестиваль студенты, независимо от цвета кожи, роста, веса, страны постоянного проживания, религиозной и сексуальной ориентации были заранее распределены и закреплены за бригадами наружного наблюдения. А всё потому, что эти инородцы из колоний и стран империалистического влияния, бывшего и настоящего, черти какой заразы, кроме сифилиса, могли привезти в страну строящегося коммунизма!

Приказ был жесткий:

«Держать и не пущать!»

Коридоры перемещения лиц белой, желтой, красной и черной рас ограничивались Красной площадью, специально отстроенным для фестиваля Комсомольским проспектом, Лужниками и ВДНХ. Дальше, друзья советского строя и Родины социализма, – ни шага в сторону!

«Наружке», организованной в бригады из 10–15 сотрудников, обязательно с гармошкой, вменялось в обязанность песнями и плясками отсекал красно-желто-черных лиц от простого люда и мест его проживания. Как? А просто. Раньше Москва разделена была воротами Ильинскими, Никитскими, Покровскими и т. д. Теперь ее разделили «воротами» 7-го управления КГБ (наружное наблюдение).

...Стоит бригада «скоморохов» на своих воротах, в пределах которых иностранцам дозвоительно гулять и общаться с нашим парткомсактивом, и вдруг видит: отделяется некто ну совсем неславянского обличия и бредет за пределы ворот (пытается, значит, за «буйки заплывать»). Тут же «плясуны-песенники», разыгрывая московское гостеприимство, берут отшельника под небелы руцы в оборот, а попросту – спаивают. Благо есть приказ:

«Водки не жалеть, пьяных не забирать!» (Почти как: «Патронов не жалеть, пленных не брать!»)

Поморщившись, Казаченко недоуменно пожал плечами:

«Как эта галиматья из “Общего плана контрразведывательного обеспечения участников фестиваля” попала в оперативную разработку кронпринца?»

Оказалось, – это был запев. Далее следовали отчеты бригад службы наружного наблюдения, приставленных к прибывшему на фестиваль Ганнибалу.

Ознакомившись с его анкетными данными, опера из «наружки» присвоили ему ласковую кличку Кукуня, не подозревая еще, что он – парень ну совсем без «куку» и фору в сто очков даст любому из своих опекунов из Службы наружного наблюдения. Два года в Школе полиции под наблюдением французских инструкторов – это вам не ликбез под названием Курсы усовершенствования оперативного состава КГБ СССР.

Изыщную поступь профессионала (на то он и профессионал, чтобы выглядеть безобидно, а уход от «хвоста» обставить так естественно просто, что преследователи сами себя же и будут винить в потере объекта!) наша «наружка» осмыслила отнюдь не с первых шагов Ганнибала по московской тверди. А уж его московский роман, бурный и молниеносный, с секретарем Фрунзенского райкома комсомола Аношиной Анной – вообще для столичной «наружки» остался за кадром.

Что до его игр с московскими «топтунами», то в основе своей они имели отнюдь не злой умысел. Просто Баклажану захотелось на практике проверить действенность усвоенных в Школе полиции навыков ухода от «хвоста», а заодно и испытать упоение от собственного превосходства над «топтунами», которые окружили его своим вниманием на фестивале.

Какой нервозности нашим ребятам стоил только один «матч», сыгранный принцем с несколькими моторизованными бригадами наружного наблюдения!

Однажды, когда до убытия гостя из Москвы оставался один день, «наружке», опекавшей Ганнибала, удалось «срисовать», как он усаживал в машину с дипломатическими номерами посольства Чада в Москве красивую высокую девушку. Происходило это в двух шагах от здания, где располагались РК КПСС, райисполком и РК ВЛКСМ Фрунзенского района.

Машина с девушкой и объектом проследовала на территорию посольства. Бригады затаились поблизости в ожидании выхода или выезда девушки для последующего установления ее личности. Не тут-то было. Девушка не появилась ни через час, ни к вечеру. А утром из ворот посольства «веером», на предельной скорости вылетел весь посольский автопарк – пять машин. С зашторенными задними стеклами они бросились врасыпную петлять по переулкам Арбата.

Было ясно: «залповым выбросом» автопарка посольства предпринята попытка растащить силы наружного наблюдения и сохранить инкогнито прекрасной незнакомки. Попытка удалась.

Девушку установили через месяц после отъезда Ганнибала из Москвы.

* * *

В советские времена в КГБ существовало такое подразделение, которое в народе нарекли «ППИП» – «Пишите письма – их прочтут». Еще незабвенный кардинал Ришелье в 1628 году во времена французского противостояния великодержавным притязаниям Англии постановил перлюстрировать всю корреспонденцию, поступавшую с острова на континент.

Идея кардинала была подхвачена и обогащена практикой советского казарменного социализма: все письма, поступавшие из-за кордона в СССР и обратно, обязательно прочитывались «ппипками». Забот у работников «ППИП» особенно прибавилось после фестиваля в Москве. В неводы перлюстраторов попадали и те, кого не сумела зафиксировать служба наружного наблюдения. Как это и случилось с Аношиной Анной.

В подразделении КГБ, где вели дело «Баклажан», после прочтения первых писем отправителя и получателя, оптимистично оценили дополнительно открывшиеся возможности по оказанию нашего влияния на объект оперативной разработки. Еще бы! Баклажан влюбился в нашу, доморощенную гражданку. Да мы через нее вмиг обратим его в нашу, коммунистическую веру!

По замыслу режиссеров-разработчиков, Анне отводилась не последняя скрипка в оркестре. Однако после первой встречи с Аношиной ведомственный оптимизм поуogas. Опра-

шивавшие Анну интеллектуалы из Лубянской синекуры были немало удивлены ее неосведомленностью о статусе Баклажана в стране постоянного проживания, о его происхождении и т. п.

Пытаясь выяснить ее намерения в плане возможного переезда из СССР в Чад, оперативники наткнулись на твердый ответ:

«Никуда я из России не поеду. Всё сделаю, чтобы Ганнибал переехал жить сюда!»

Такая перспектива перемещения Баклажана в физическом и социально-политическом пространстве никак не устраивала Комитет. Нам он нужен был *там* и только *там!*.. Было принято решение до поры воздержаться от привлечения Анны для участия в мероприятиях по Баклажану, пока эмоциональный шлейф, оставленный в душе славянской девушки черным метеоритом, не перестанет заслонять ей разум, так как тот факт, что она по уши влюблена, был виден невооруженным глазом.

В беседе выяснилось также, что Анна ждет ребенка и ради него готова поступиться многим, даже перспективами, открывающимися в связи с ее секретарством в РК ВЛКСМ.

Что в последующем и случилось. Соратники Анны не могли примириться с мыслью, что их боевая подруга должна родить от негра. Вопрос: «А если это – любовь?» – мог прозвучать, по их мнению, только в сальном анекдоте, ну, на худой конец, с киноэкрана, но никак ни в реальной жизни.

Как-то никому и в голову не приходило, что прадед *нашего* Александра Сергеевича Пушкина тоже ведь был *ихним* африканцем. Этой исторической подробности не помнила и сама Анна до тех пор, пока оперработники не вооружили ее этим аргументом, пошутив, что теперь ей остается только дожидаться рождения правнука.

Дознаватели поинтересовались, как Анна собирается назвать ребенка. Она ответила, что этот вопрос уже обсуждала с родителями. Ее отец Аношин Павел Иванович наотрез отказался давать свое имя возможному внуку. Поэтому Анна решила, что сына назовет именем возлюбленного. Разумеется, если он не будет против. В письмах они еще об этом договорятся. Ну а если родится дочь – будет Анной...

На прощание контрразведчики отобрали у Аношиной подписку о неразглашении содержания беседы и на время оставили у себя визитную карточку ее суженого. О подробностях его происхождения и социального положения Анну просвещать не сочли нужным.

В дальнейшем визитная карточка пригодится Аношиной в загсе при заполнении метрики, а предусмотрительность оперов – подполковнику Казаченко через тридцать с лишним лет при планировании мероприятий по объекту оперативной разработки «Пророк».

В резюмирующей части рапорта контрразведчики охарактеризовали Аношину как волевою, умную, патриотично настроенную, внешне красивую, но романтическую и доверчивую женщину.

Годы мытарств с малолетним темнокожим сыном по общежитиям и коммуналкам вытравят бесследно все перечисленные оперработниками качества. Останутся только воля и ум.

* * *

Дело оперативной разработки «Баклажан» Казаченко читал как захватывающий авантюрный роман.

По возвращении принца из Москвы Центром было получено донесение, что он во всеуслышание заявил о своем намерении вместо Сорбонны отправиться на учебу в Московский университет, так как во время пребывания на фестивале встретил и полюбил русскую девушку, на которой собирается жениться.

По данным осведомителей нашей резидентуры, у Ганнибала по этому вопросу состоялся бурный разговор с отцом. Выяснить, чем он закончился, не представилось возможным, однако,

по предположению заслуживающих доверия источников, итоги состоявшихся между отцом и сыном объяснений были для нас неутешительны...

В Чаде после ухода французских колонистов наступил период реакции. Вместе с тем были отмечены признаки усиления американской экспансии в страну, в частности, эмиссаров американских спецслужб, которые располагали достаточно прочными позициями в окружении монарха и способны были оказывать влияние на принятие им решений на внешнеполитической арене.

12 декабря 1957 года французская «Figaro» на первой полосе сообщила, что накануне в Чаде в ходе ритуального обряда глумления над поверженным врагом наследный принц Ганнибал Сесе Секо погиб, поперхнувшись малой берцовой костью съеденного им представителя враждебного племени.

Статья и фотографии трупа наследника были подшиты в деле.

«Ни хрена себе! – в сердцах воскликнул Казаченко, едва не выпрыгнув из кресла. – В агентурных сетях КГБ кого только не было: священники и проститутки, дипломаты и гомосексуалисты. Но чтобы людоеды! Такого случая история вербовочной деятельности Комитета государственной безопасности Союза ССР еще не знала. А ведь Баклажана готовили и обрабатывали в целях вербовки. Неужели нашей резидентуре не было известно, что семья императора, и Баклажан в том числе, балуются канныбализмом?! – в который раз задавал себе вопрос Казаченко. – А я в свою очередь собираюсь использовать его сына – Арапа для подставы Пророку. А что, если в нем проснется голос отцовской крови и он сожрет живьем Пророка! Нет, генерал Козлов этого не перенесет: сын – капитан милиции, а отец – людоед!»

Вдруг Олега осенило. Открыв дело на той странице, где излагались подробности передачи 15 000 франков французскому репортеру за отказ от публикации компрометирующих Баклажана материалов, он сразу успокоился. И компромат, и очерк в «Figaro» о трагической кончине канныбала были подписаны одной и той же фамилией: Жан-Мария Лумье! Не было никакого людоедства! Парня просто ликвидировали. Нет, не парня. Будущего африканского лидера кремлевской ориентации. А мировой общественности дело представили как заурядный пример канныбализма:

«Ну что с них взять, с этих африканских вурдалаков в набедренных повязках? Жрут друг друга, да и всё тут! Можно сказать, сами себе могилы роют собственными зубами. А мы им заводов-фабрик понастроили, школ да больниц наоткрывали, а они нас, обозвав колонизаторами, вышвырнули из страны. При нашей администрации того, что случилось с принцем, не случилось бы никогда. А теперь вот, после нашего ухода, даже заместитель Председателя Народной партии не гнушается поеданием себе подобных. А еще в Парижский университет собирався, упырь чертов! Может, и слава богу, что к нам не попал!»

Вышеприведенными стенаниями и заклинаниями изобиловал очерк Жан-Марии Лумье.

«Сколько же получил этот малый от американских или французских спецслужб за гноеточный очерк? – задал себе вопрос Казаченко. – Уверен, несравненно меньше, чем двумя годами раньше от нашей резидентуры. А сколько выложили американцы или французы за устранение принца? Это, конечно, останется тайной навсегда. Ясно одно. Мы потеряли неизмеримо больше!»

Кроме того, – продолжал размышлять Олег, – в спецслужбах, уничтоживших Баклажана, всегда помнили о его поездке в Москву. И для них это был вопрос вопросов: выезжал он туда, чтобы участвовать в праздничных мероприятиях фестиваля, либо для того, чтобы пройти спецподготовку в школе КГБ? Кто знает, – Олег ставил себя на место противника, – может, русские экстрасенсы и гипнотизеры настолько обработали наследного принца, что в Африку он вернулся уже убежденным коммунистом?

Да, у американцев или французов были причины убрать преемника императора! Посещением Москвы он вынес себе приговор, впоследствии приведенный в исполнение наемными

убийцами, которых проплатили спецслужбы. Похоже, поездка Баклажана на фестиваль – это прогулка для ознакомления со своим кладбищем, – подытожил Казаченко. – Всё! Надо идти к генералу!»

Глава четвертая. Генерал Козлов

Генерал Козлов имел своеобразную манеру выслушивать доклады своих подчиненных. Ни короткого кивка головой в знак одобрения, ни поцокивания языком в случае несогласия с аргументацией. Он неподвижно молчал, глядя в упор на собеседника. Хотя о каком собеседовании может идти речь? Ведь оно предполагает взаимный обмен репликами. В нашем же случае – был просто монолог. Если бы было возможно поставить на «прослушку» кабинет Козлова (а, думается, ни одна из иноразведок перед таким соблазном не устояла бы!), «слухачей» поначалу обескуражило бы то обстоятельство, что в тиши начальственного кабинета некто – отнюдь не хозяин – дискутирует сам с собой. Приводит «за» и «против», распалаясь, доказывает, опровергает, одним словом, пытается убедить самого себя в собственной правоте. Ну не идиот ли туда забрел?

Генерал, как опытный наездник, отпускающий повод скакуна перед взятием им препятствия, давал выговориться докладчику до конца, даже если творческое воображение оперативника разгуливало по самому краю еретической пропасти. Роль шенкелей выполнял взгляд Козлова, которым он горячил подчиненного. Взгляд то загорался озорными лукавыми искорками, то становился безразличным. Опытные сотрудники, проработавшие с Козловым не один год, следили за выражением его глаз, время от времени корректируя свой доклад: «Сейчас меня занесло! А это уже “в масть”! Так, а это – неинтересно!»

Действительно, глаза любого начальника – два верных лощмана подчиненных. Разумеется, если у этих подчиненных развиты «флотоводческие навыки». По ним (глазам) безошибочно можно определить: идешь ли ты в фарватере замыслов шефа, совпадают ли твои умозаключения и доводы с настроением и видением проблемы твоего командира. И, надо сказать, некоторые так преуспели в чтении по глазам своего начальника, что выдавали за действительное им же самим желаемое. В итоге – взаимный самообман. Обоюдосторонний гипноз.

За время общения с Козловым Олег сделал для себя вывод, что тот на практике реализует закон Паскаля: «Опереться можно лишь на то, что сопротивляется», – позволяя младшим по должности и званию оспаривать и даже (о, вопиющее нарушение постулатов субординации!) критиковать его генеральскую точку зрения.

Козлов отрицал иерархический образ мышления, считая, что каждый имеет право на собственное умозаключение и выводы, более того, имеет право их отстаивать! Терпеть не мог юбилейно-панегирических отчетов и докладов. Вместе с тем исподволь, ненавязчиво приучал подчиненных действовать нестереотипно, в работе импровизировать, а не действовать в такт приказам и инструкциям-однодневкам или блажи вышестоящих руководителей.

Козлов никогда не допускал грубости в адрес нижестоящих чинов – оперсостава. Однажды, услышав отзыв в своем коллеге-генерале: «груб, но справедлив», – поправил собеседника, заявив:

«Неверно! Тот, кто прав по существу, всегда должен быть прав и по форме».

Когда генерал Козлов приходил к выводу, что творческий ресурс вновь принятого на службу подчиненного ограничен, или, того хуже, отсутствует вовсе, избавлялся от такого оперативного сотрудника незамедлительно: переводил в смежное подразделение, направлял «на усиление» в московские райотделы, а то и на повышение за пределами столицы. Заметив у подчиненного, пусть даже небесталанного, карьерную алчность, делегировал его в партийно-комсомольские органы Комитета.

Одним словом, коллег-подчиненных, которые не укладывались в его, козловское, ложе, он провожал с почестями: так обветшалую икону раньше клали на воду, доверяя ее течению реки.

Случалось, что генерал, «как Иисус, оставался в пустыне с последними учениками» – наиболее опытными сотрудниками. Вознаграждение, то есть пополнение высокой пробы, если и ждало его, то много времени спустя. Но уж оставшихся в результате тщательной селекции Козлов заставлял не работать – пахать. Поблажки, любимчики, наущничество, так почитаемые в других подразделениях, в Отдельной службе генерал-майора Козлова отсутствовали.

Считая, что безгрешные пребывают лишь в раю, всем упрекам в адрес своих сотрудников он выставлял трудно оспариваемые аргументы: «Оперативного сотрудника надо ценить за достоинства, а не за отсутствие недостатков» или «Мой опыт подсказывает, что люди, лишённые недостатков, часто не имеют и достоинств».

Были у Козлова и другие способы оправдать своих подчиненных, дело, в конце концов, не в этом. Дело в другом: их он в обиду не давал, за что и был любим оперсоставом беззаветно, а кадровиками и партийными бонзами Комитета ненавидим до боли в желваках. Кадровики, как только в Службе Козлова открывалась вакансия, требовали ее заполнения, протезируя отпрыскам партийных вельмож, в лучшем случае, родственникам известных ветеранов-чекистов.

Просьбам кадровиков генерал не противился и с порога их не отвергал. Профессионально-родовая преемственность, трудовые династии, в которых составными являлись дед-отец-сын, могут иметь место и в системе госбезопасности. Почему бы нет? Понятно и стремление многих оперативников попасть в элитное сообщество, коим являлась Служба Козлова. Но каждого предложенного кадрами именитого кандидата он предварительно изучал на расстоянии. Благо были у него не только завистники и недоброжелатели. Надежных товарищей из числа высших офицеров Комитета, на которых он мог опереться, тоже было немало. И если Козлов в сосватанном сотруднике отмечал бездвиженность оперативной мысли, профессиональную дряблость, инертность поступков, то отказывал бескомпромиссно.

Многие коллеги подозревали, что за этой бескомпромиссностью и свободой выбора генерала кроется высшее благоволение и поддержка председателя КГБ Андропова. Подозрения подпитывались поведением самого Козлова, его независимостью в принимаемых решениях и их реализации. Всё стало на свои места после неудавшегося покушения на Брежнева. После этого коллеги генерала сомнений по поводу особо доверительных отношений между ним и Андроповым уже не питали...

Глава пятая. Расстрел у Боровицких ворот

Андропов и Цвигун. Противостояние

Брежнев хорошо помнил, какую роль сыграл прежний председатель КГБ СССР Владимир Семичастный в устранении Хрущёва и, чтобы исключить исторические аналогии, приставил к Андропову в качестве конвойного пса Семёна Цвигуна. Его связывали с Брежневым не только годы совместной работы в Молдавии, но и родственные узы: оба были женаты на сестрах, еврейках с Алтая.

Вслед за назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР Цвигун в качестве первого заместителя курировал одно из самых ответственных направлений – военную контрразведку.

В годы войны он не был на фронте, но в анкетах аккуратно указывал Сталинград как место своего боевого крещения. Только после его смерти и кончины Леонида Ильича стало известно, что еще до начала Сталинградской битвы он был отозван из военной контрразведки в тыл, в Оренбургскую область, где занимался заготовкой сельхозпродуктов для партноменклатуры. Это, однако, не помешало ему указать место своего боевого крещения именно Сталинград, а впоследствии под своей фамилией издать несколько книг и с десятков сценариев фильмов о войне и жизни партизан, тем самым произведя себя не только в число защитников легендарной твердыни на Волге, но и в героя партизанского движения. Именно в таком виде биография Цвигуна вошла во все советские энциклопедии.

Вот она, роль личности в истории, вернее, – историографии. Важно не в истории след оставить, а в учебниках по этому предмету!

Героические заслуги Цвигуна по перекраиванию личной анкеты, а вместе с нею и новейшей советской истории были известны очень узкому кругу людей, к числу которых принадлежали Брежнев, Андропов и... Козлов.

Два крючкотворца и две красавицы не бывают друзьями. Но на какое-то время могут стать компаньонами. Непримиримыми подельниками поневоле Андропов и Цвигун останутся на всю жизнь. До своего самоубийства Цвигун будет постоянно дискредитировать Андропова, чтобы, столкнув его с «золотого крыльца», самому стать председателем КГБ СССР. Их скрытое противостояние началось с первого дня их совместной работы.

Но если Андропов в начале их совместной работы относился к своему заму, как аристократ к поданному гардеробщиком чужому пальто в ожидании его замены, то в отношении Цвигуна к своему непосредственному начальнику прослеживалась агрессивная напористость сержанта-сверхсрочника, который постоянно стремится подставить своего командира и доказать ему, вчерашнему выпускнику военного училища, «что сапоги надо чистить с вечера, чтобы с утра надевать их на свежую голову».

Происходило это потому, что Цвигун имел значительное преимущество перед Андроповым в плане пребывания на руководящих должностях в системе КГБ СССР.

По его мнению, Андропов, бывший дипломат и ловкий царедворец со Старой площади, был не способен разобраться в системе государственной безопасности вообще и в специфических методах разведки и контрразведки в частности. Ну, чего путного можно ожидать от этой гражданской «штафирки»?

И хотя авторитет самого Цвигуна среди профессионалов был равен нулю, но, как говорится, за душой ничего не было, но за спиной кто-то стоял. И ни кто-нибудь, а сам Леонид Ильич со всеми вытекающими последствиями. Чувство мнимого превосходства над своим шефом и желание занять его место являлись внутренним движителем Цвигуна на протяже-

нии всей их совместной работы. В качестве первой серьезной проверки устойчивости Андропова, его способности держать удар, можно рассматривать расстрел машины с космонавтами на борту, устроенный неким Ильиным, армейским офицером, у Боровицких ворот 22 января 1969 года. И проверку эту устроил не кто иной, а его заместитель – Семён Кузьмич Цвигун.

Анализ предшествовавших событий давал основание утверждать, что пули предназначались Брежневу, Косыгину и Подгорному, а стрельбы вообще могло не быть, если бы не противостояние между Юрием Андроповым и его заместителем Семёном Цвигуном.

В бездействии Цвигуна, в его попустительстве преступному умыслу Ильина, о котором генерал был поставлен в известность заблаговременно, не следовало искать признаков профессиональной некомпетентности.

Тот факт, что террористу удалось отчасти реализовать свое намерение, должно рассматриваться как следствие карьерной алчности и циничного расчета Цвигуна.

Такие выводы были сделаны в свое время Юрием Владимировичем, известны они были лишь ближайшему окружению его соратников, в число которых волей судеб входил и Козлов...

Кандидаты в Геростраты

Есть такая народная примета: если в первый день Нового года что-то не заладится, то так оно и пойдет.

1 января 1969 года Александра Васильевна, проживавшая со своей престарелой матерью и приемным сыном Виктором в Ленинграде на Васильевском острове по улице Наличной, обнаружила в домашней кладовке три взорвавшихся банки с любимыми грибочками.

Утром того же дня председателю КГБ СССР Юрию Владимировичу Андропову комендант Кремля генерал Шорников доложил, что при попытке проникновения на вверенную ему территорию, у Спасских ворот, задержан некто Гадюко, прибывший из Киева на прием к Леониду Ильичу Брежневу.

В ходе интенсивных допросов удалось установить, что месяцем ранее задержанный послал Генеральному секретарю письмо с просьбой о личной встрече и 30 декабря 1968 года в программе «Время» диктор якобы объявил: Леонид Ильич согласен.

Киевлянин сигнал принял и на радостях преодолел за пару суток путь от Киева до Москвы... на велосипеде.

И хотя путешествие могло претендовать на несколько строчек в Книге рекордов Гиннеса, запись о рекордсмене была сделана лишь в журнале поступления больных в лазарет внутренней Лубянской тюрьмы, в народе прозванной «нутрянкой».

Туда ходатай угодил по причине обморожения лица и рук, а также для выявления возможных соучастников «Ледового похода».

– Слушай, Иван Филиппович, что последнее время происходит в твоём хозяйстве? – по обыкновению тихо и проникновенно спросил Андропов.

Шорников понял, что имеет в виду председатель.

С 1968 года Кремль, Красная площадь и даже Мавзолей стали местами паломничества советских душевнобольных, более того, превратились в объекты вредительских посягательств.

В апреле на главную площадь страны въехал... экскаватор, который незамеченным пробирався туда аж из Теплового Стана, где прокладывали новую ветку метрополитена.

Скрытно многотонная махина покинула строительную площадку. Не прошло и пяти часов, как она перевалила через Малый Каменный мост, поднялась по Васильевскому спуску и очутилась у Мавзолея. Охранники буквально схватили экскаватор за многотонную «руку», лишь когда она уже была занесена над усыпальницей вождя.

Свихнувшегося экскаваторщика гэбэшники переодетые милиционерами, извлекли из кабины и отправили в лазарет внутренней Лубянской тюрьмы. Туда же были отправлены

и обнаруженные в кабине экскаватора вещдоки: раскладушка и суконное одеяло, которые неопровержимо свидетельствовали о том, что их хозяин имел твердое намерение занять освободившееся после XXII съезда КПСС ложе Иосифа Сталина.

Главную улику – экскаватор, к делу приобщать не стали, а сразу вернули в «Мосметрострой». Но фотографии с него сделали, их-то и подшили сначала в дело, а потом в историю болезни экскаваторщика.

Однако самым крупным вредительством, граничащим с диверсией, можно считать акт мести молодого офицера-артиллериста своему начальству.

Приказом по дивизиону, запускавшему праздничный фейерверк в столичное небо, этот офицер по причине возникших сомнений в его психическом здоровье был отстранен от пиротехнических приготовлений.

«Ах так! Будет вам и фейерверк, будет и иллюминация!»

С этими словами пиротехник ночью, в канун ноябрьской демонстрации, появился на Красной площади. Там в это время шли последние приготовления к параду, и электрики колдовали с иллюминацией. Появление на площади еще одного человека в военной форме вопросов ни у кого не вызвало: мало ли их тут шатается в это время! Душевная болезнь офицера обострилась настолько, что он заговорил афоризмами.

Со словами: «Уходя, гасите *всех*, сила вся в кефире!» – он доской размозжил голову электрику и перочинным ножиком перерезал какой-то проводок.

Вся площадь и прилегающие строения тут же погрузились во мрак. Паника среди устроителей демонстрации поднялась неопишуемая: никто не мог понять, что же произошло и что теперь делать.

Далеко пиротехнику уйти не удалось, и он вскоре оказался в лазарете «нутрянки».

После этих леденящих кровь инцидентов охрана Кремля уже как святочный рассказ вспоминала ходока из Тамбовской области, которому непременно надо было попасть в Кремль, чтобы получить у генерального секретаря ответ на свой единственный вопрос, из-за которого он и прошагал сотни километров.

Пилигрима удалось разговорить, и он честно признался: «Хочу узнать у Леонида Ильича, правильной ли дорогой иду?»

Все описанные картины вихрем пронесли перед глазами Шорникова.

Фронтвик-орденоносец, генерал был не особо силен в вопросах кремлевской *теремной* этики и чуть было не рубанул с плеча, что является лишь комендантом Кремля, а не всего Советского Союза, как его сановный собеседник, и потому не несет ответственности за душевное здоровье населения страны. Но смешался и в очередной раз невнятно попросил ускорить комплектацию подразделения по охране Красной площади, а ему-де забот хватает и с пернатыми – воронами, – коих в Кремле развелось уже столько, что они мешают генеральному секретарю сосредоточиться на вопросах международной разрядки и нашего продвижения к коммунизму. И он, страдалец, из-за этого проклятого воронья всё чаще остается работать в своих загородных резиденциях...

Надо сказать, что Юрий Владимирович, будучи неизменно требователен к подчиненным, от которых зависело наведение порядка в самом сердце столицы, тем не менее никогда не докладывал о случившихся там казусах Брежневу. Зачем отвлекать лидера от проблем международного коммунистического движения и зачем докучать князю кремлевских апостолов по мелочам? А зря! Потому что информация о происшествиях всё равно доходила до генсека, но уже в искаженном виде, так как подавалась ему в интерпретации генерал-лейтенанта Семёна Цвигуна, первого заместителя Андропова.

Прерванная телетрансляция

22 января 1969 года ликовала вся страна. Из Москвы шел прямой репортаж, и миллионы советских людей, застыв у телевизоров и радиоприемников, следили за церемонией торжественной встречи героев космоса в правительственном аэропорту Внуково-2.

Телекамеры показывали крупным планом улыбающиеся лица космонавтов Берегового, Шаталова, Елисеева, Хрунова, Волынова и... Леонида Ильича Брежнева. Установленные в многолюдных местах столицы громкоговорители, захлебываясь от восторга, сообщали о каждом рукопожатии и поцелуе Генерального секретаря, а затем о всех передвижениях праздничного кортежа по улицам столицы из аэропорта в Кремль. Дикторы радио и телевидения, рыдая от умиления, наперебой расхваливали близость руководителей Партии и Правительства к простым труженикам космоса и неоднократно упомянули, что вслед за «Чайкой», в которой находятся космонавты, во второй машине следуют Брежнев, Косыгин, Подгорный.

«Кортеж правительственных машин приближается к Боровицким воротам, и через несколько минут герои-космонавты будут в Кремле, где состоится торжественная церемония их награждения!»

Это была последняя мажорная нота в репортаже с места событий. Прямая трансляция внезапно прервалась.

Возобновилась она примерно через час и производила странное, если не сказать, удручающее впечатление.

Показывали церемонию награждения. Но где восторг, где ликование? Вместо них растерянность и смятение как среди награждаемых, так и среди вручающих награды. Бледные лица, вымученные улыбки, отрывистые фразы, всеобщая нервозность. Телезрители недоумевали:

«Почему награды вручает Подгорный? Где Леонид Ильич?»

В тот же день по Москве поползли слухи, что Брежнев в результате покушения убит. И ни где-нибудь – в Кремле. Достали-таки!

Страна, забыв о героях космоса, вновь прильнула к радиоприемникам и, затаив дыхание, ночью вслушивалась в сообщения «вражьих голосов»: «Голоса Америки» и «Радио Свободы» – они-то всё скажут...

Что осталось за кадром

Как только правительственный кортеж в сопровождении мотоциклистов приблизился к Боровицким воротам, раздались выстрелы. Некто в милицейской форме метнулся к кавалькаде правительственных лимузинов и, пропустив первую машину, открыл огонь по второй. Классический террористический акт: нападающий стрелял в упор с двух рук одновременно!

Седые стены Кремля последний раз наблюдали нечто подобное шестого ноября сорок второго года, когда военнослужащий Красной Армии, спрятавшись в Лобном месте, обстрелял машину наркома Микояна, полагая, что в ней едет Сталин.

Залитый кровью водитель головой уткнулся в руль, но «Чайка» продолжала двигаться по инерции. Космонавт Николаев, не потеряв самообладания, перехватил руль у шофера, и машина двигалась по заданной траектории...

Одна из пуль срикошетила и ранила в плечо сопровождавшего кортеж мотоциклиста. Превозмогая боль, он направил мотоцикл прямо на террориста и сбил его с ног.

К упавшему бросились офицеры из правительственной охраны, выбили у него из рук пистолеты. Впрочем, это уже было лишним: террорист израсходовал весь боезапас, выпустив в машину шестнадцать пуль.

Нападавший не сопротивлялся. У него внезапно закатились глаза, изо рта хлестнула белая пена, и он зашелся в нервном припадке.

Каково же было изумление кремлевской охраны, когда они в корчащемся в конвульсиях милиционере опознали того самого сержанта, который минутой ранее стоял на посту у Алмазного фонда!

Узнав, что он чуть было не расстрелял космонавтов, боевик вообще впал в прострацию. Ведь он был уверен, что во второй «Чайке» (о чем неоднократно повторяли дикторы радио и телевидения!) находятся Брежнев, Косыгин и Подгорный, – им-то и предназначался смертоносный свинец...

В машине же, на которую обрушился шквальный огонь, ехали космонавты: Георгий Береговой, поразительно похожий на Брежнева, Николаев и Терешкова. Первые двое слегка пострадали: Береговому осколки стекла поранили лицо, у Николаева пуля застряла в спине, но он, преодолевая боль, перехватил руль у раненого водителя и сумел припарковать машину к обочине.

Фантастическое везение

Бившегося в истерике террориста, расстрелявшего две обоймы по правительственной «Чайке» с космонавтами на борту, скрутили, сунули под нос нашатырь, затолкали в черную «Волгу» и увезли с места происшествия во внутреннюю Лубянскую тюрьму. Начались допросы. Задержанный подробно рассказывал о себе.

Фамилия – Ильин, имя и отчество – Виктор Иванович, 1948 года рождения. Русский. Окончил Ленинградский топографический техникум. Служил в г. Ломоносов под Ленинградом. Военское звание – младший лейтенант. Утром 21 января, похитив два пистолета с четырьмя снаряженными обоймами, самовольно оставил воинскую часть и прилетел в Москву, чтобы уничтожить руководство Советского Союза в лице Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, председателя Совмина Косыгина и председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Подгорного.

На вопрос, зачем ему понадобилось убивать высших руководителей страны, Ильин с пафосом заявил, что Бог создал людей больших и людей маленьких, а Николай Федорович создал свой 9-миллиметровый пистолет, чтобы уравнивать шансы. Физическое же устранение государственных деятелей – дело праведное, примером тому являются террористические акции американца Джона Бута или нашего Александра Ильича. Да и вообще пострадать за веру, народ и Отечество – это всегда было в чести и традициях российского офицерства и прогрессивно мыслящей интеллигенции. Взять хотя бы Пестеля, Кюхельбекера...

Следователи торжествуяще переглянулись. Они не ожидали, что задержанный так легко выдаст сообщников. Особое впечатление произвели иностранные имена. Черт возьми, какая удача! Взят с поличным вражеский наймит – пора на кителе дырочку для ордена сверлить!

Отрезвление от успеха наступило тотчас, как только выяснилось, кого имел в виду террорист.

Оказалось, что снабдивший боевика оружием Николай Федорович – всего лишь лауреат Государственных премий Макаров, изобретатель стрелкового оружия, в частности «ПМ», из которого и вел пальбу боевик.

Александр Ильич – не кто иной, как брат Ленина – Александр Ульянов, неудачно покушавшийся на царя.

Джон Бут – убийца американского президента Авраама Линкольна. Ну, и так далее...

* * *

И всё-таки дело требовало серьезного осмысления. Верилось с трудом, чтобы человек, так аргументированно обосновавший для себя, а теперь еще и для следователей, правомерность покушения на высших должностных лиц государства, действовал под влиянием сиюминутного импульса.

Делом Ильина занялась многочисленная следственная бригада КГБ, которую, прежде всего, интересовал вопрос: не стоит ли за террористом антигосударственный заговор? Ведь со времени смещения Хрущева прошло совсем немного времени, и все хорошо помнили, что устранен-то он был в результате заговора! Не пытается ли этот диссидентствующий пенсионер всесоюзного значения взять реванш? А что? От этого авантюриста можно всего ожидать! Не исключено, что и западные спецслужбы готовы погреть на этом теракте руки. Ведь известно же, что Косыгин, а под его влиянием и Брежнев после прихода к власти заняли в отношении Запада непримиримую, если не сказать агрессивную, позицию.

А если учесть, что Хрущёв в последнее время снюхался с неким Виктором Луи, в прошлом советским гражданином, прошедшим сталинские лагеря, а ныне английским журналистом, плотно сотрудничающим с Сикрет Интеллидженс Сервис! По некоторым данным, этот Луи переправляет на Запад мемуары отставного премьера. Только ли в этом состоит его предназначение? А если...

Нет-нет, в этом Ильине и его роли в нападении на правительственный кортеж надо разобратся досконально!

Следователи были потрясены. И не только тем, что после устранения Брежнева Ильин, как следовало из его заявлений, собирался занять кресло генсека и создать свою партию – некоммунистическую. Изумление вызывала удачливость террориста: ни на одном этапе, кроме завершающего, он не промахнулся. Фантастическое везение!

Только сегодня, по прошествии сорока пяти лет, когда стали доступны ранее засекреченные архивы, появилась возможность найти объяснение сумасшедшему везению террориста.

Как это не покажется странным, удача сопутствовала Ильину в основном по причине лубяньских подковерных интриг и противостояния между председателем КГБ Юрием Андроповым и его заместителем Семёном Цвигуном. Именно он как куратор военной контрразведки первым получил сигнал о дезертирстве Ильина и его прибытии в столицу.

Упущенные возможности

20 января младший лейтенант Виктор Ильин заступил на дежурство по части, дислоцированной в окрестностях г. Ломоносов Ленинградской области. В 7.45 утра следующего дня сослуживцы видели его в последний раз.

Поиски исчезнувшего офицера, прихватившего из сейфа два пистолета «Макаров» и четыре снаряженных обоймы, начались 21 января 1969 года в 11.00. Тогда же о происшествии был проинформирован Особый отдел военной контрразведки, в ведении которого находился объект, где проходил службу беглец.

По тревоге были подняты офицеры части, из них сформировали две поисковые группы, одна из которых начала прочесывать лес в округе, а вторая выехала в Ленинград, где на Васильевском острове по улице Наличной совместно с приемной матерью Александрой Васильевской проживал Ильин.

Для ориентирования милицейских постов там изъяли фотографии Виктора, а также несколько его дневников. В них могли содержаться записи, которые помогли бы прояснить ситуацию.

Внимание поисковиков привлекла фраза на последней странице дневника:
«Всё! Завтра прибывают. Надо ехать в Москву!»

Стало ясно, в каком направлении вести поиск беглеца.

Начальник Особого отдела КГБ той части, где служил Ильин, не имел должностных полномочий информировать о происшествии Москву, поэтому подробный доклад он представил в Управление Особых отделов КГБ СССР по Ленинградской области (УОО КГБ СССР по ЛО). Одновременно группа военных контрразведчиков выехала в аэропорт Пулково, где обнаружила корешок билета, принадлежавшего пассажиру по фамилии «Ильин», в 11.40 убитого в Москву рейсом № 92.

Но сомнения оставались: уж больно распространенная фамилия. Тот ли это «Ильин»? Поэтому решено было дожидаться возвращения борта из столицы, чтобы опросить экипаж.

Для подстраховки начальник Управления Особых отделов поставил в известность о происшествии и предпринимаемых мерах Центр, направив в КГБ СССР шифртелеграмму линейному куратору, генерал-лейтенанту Цвигуну.

Через четыре часа в Ленинград вернулся ожидаемый рейс. Стюардессам предъявили фото беглеца, и гипотеза стала установленным фактом: находящийся в розыске младший лейтенант Ильин приземлился по расписанию в столичном аэропорту Шереметьево-1.

Вторая шифровка, подтверждающая прибытие дезертира в Москву, а также его фотографии, немедленно ушли в Центр.

Следует отметить, что в те годы даже пропаже обыкновенного пневматического ружья из стрелкового тира парка культуры и отдыха в каком-нибудь заштатном городишке Мухославск придавалось исключительное значение. Меры по его обнаружению и розыску виновных принимались, прямо скажем, экстраординарные.

Что уж говорить о бегстве вооруженного офицера в Москву, накануне торжеств по случаю возвращения на Землю группы космонавтов, в которых должны принять участие высшие партийные и государственные деятели страны, – это уж запредельное чрезвычайное происшествие!

Ленинградцы, анализируя записи в дневниках, изъятых на квартире беглеца, искали мотивы, побудившие молодого холостяка рвануть из части с оружием в руках. Ревность? Мечь любимой женщине за измену? Сведение счетов с обидчиками?

Однако откровения, доверенные Виктором Ильиным бумаге, ни на один из вопросов поисковиков ответа не давали. Да и вообще, в дневниках отсутствовали какие бы то ни было свидетельства о любовных переживаниях автора. Зато они изобиловали цитатами из рассуждений иностранных политических и государственных мужей XIX-XX веков.

Находка! Трижды в разном контексте Ильин цитирует одного и того же автора – Джона Уилкса Бута, убийцы американского президента Авраама Линкольна. Цитата способна развеять беспечность даже закоренелого скептика, рассеять любые сомнения в отношении ценностных ориентиров человека, чьей рукой она вписана в дневник.

Вот, что сказал Бут накануне покушения на Линкольна и что гипнотически подействовало на Ильина:

«Я убью президента, хотя бы только из-за одной моей сокровенной надежды, что отраженный свет его славы озарит мое безвестное существование. А память времени, лишенная щепетильности, всегда объединяет распятого и распявшего».

Далее следовала приписка-резюме Ильина:

«Может, это и мой выбор? Ведь сколько в стране людей с фамилией Ильин? Несравнимо больше, чем с фамилией Брежнев... Само проведение требует объединить эти две фамилии!»

Мотивы неожиданного бегства вооруженного Ильина в Москву не оставляют места для сомнений, имеют конкретный преступный умысел, и поэтому начальник Управления ОО КГБ СССР по ЛО лично составляет шифртелеграмму на имя своего сановного куратора.

На часах 22.47. До покушения – более шестнадцати часов, еще есть время его предотвратить.

Группа оперработников вновь выезжает для беседы с приемной матерью Ильина. Офицеров интересует один вопрос: где, у кого, кроме гостиницы, может остановиться Виктор по прибытии в столицу. Александра Васильевна назвала адрес своего брата и вспомнила взорвавшиеся в кладовке банки с грибочками. Народная примета – знак свыше, никогда не подводит...

В Москву уходит еще одна, последняя шифровка.

Подробное перечисление предпринятых ленинградскими чекистами мер, заметьте, – не всех, потому что были и другие, которые всегда останутся под грифом «Совершенно секретно», – приведено в повествовании с одной целью: показать, что кровавую акцию можно было предотвратить даже на стадии выдвижения террориста на исходную позицию – к Боровицким воротам. Было бы желание.

По прошествии сорока девяти лет можно констатировать: у московского получателя шифртелеграмм такого желания не было, потому что в его планы отнюдь не входило предотвращение каких-либо ЧП. Пусть их будет как можно больше, чтобы Леониду Ильичу, наконец, стало ясно, что во главе Комитета государственной безопасности находится пришелец из другого мира, человек сугубо штатский, а отсюда – беспечный...

В бездействии Цвигуна, в попустительстве преступному умыслу, о котором он знал заблаговременно, не следует искать признаков его профессиональной некомпетентности, – им двигали только карьерная алчность и циничный расчет.

На исходных рубежах

Ильин на рейсовом автобусе доехал от аэропорта до метро и уже через час звонил в квартиру своего дяди, отставника органов МВД.

Увидев на пороге нежданного гостя, хозяин и его жена удивились – что-то стряслось, если племянник прилетел в Москву без предупреждения, без телефонного звонка, без телеграммы?

– Всё в порядке. Просто хочу на космонавтов посмотреть. Когда еще такая возможность представится. Завтра ведь встреча?

О точной дате предстоявшей церемонии сообщили газеты, радио и телевидение, поэтому, как впоследствии объяснял следствию хозяин – дядя Ильина, – мотивы приезда родственника вполне его удовлетворили. Тем более что племянник всегда был несколько чудаковат. Прилететь специально из Ленинграда в Москву, чтобы посмотреть на любимых всем народом героев? Ну и что тут такого? Летают же фанаты футбола и рока на матчи и концерты в другие города!

Вечером за ужином племянник как бы невзначай произнес:

– Вот если бы ты, дядя, дал мне завтра свою форму...

– Ты что, не знаешь, что это категорически запрещено?

Ильин рассмеялся, перевел разговор в шутку. А рано утром, не попрощавшись с родственниками, исчез. Вместе с милицейской формой гостеприимного хозяина.

В камере хранения Ленинградского вокзала оставил свой мундир и в форме сержанта милиции вернулся на станцию «Проспект Маркса». Оттуда двинулся к проезду Боровицких ворот, через которые, по его расчетам, в Кремль должен был проследовать кортеж правительственных машин.

Он много раз прокручивал в уме этот маршрут, просматривая кадры кинохроники, запечатлевшие встречи героев космоса руководителями партии и государства. Этим путем в

Кремль ехали все – от Гагарина и Титова до последних победителей Вселенной. Виктор знал его назубок, мог воспроизвести с закрытыми глазами.

Он прошел мимо Исторического музея, свернул в Александровский сад.

В проезде Боровицких ворот он увидел милицейское оцепление. Что делать? Преодолев слабость в ногах, Ильин вспомнил, что по виду он не отличается от них, и не спеша встал между ними – наугад, по наитию.

Это была крупнейшая удача, немислимое везение, ибо место, которое он случайно занял, оказалось на стыке между двумя отделениями. На подошедшего сержанта милиции покосились, но в первом отделении подумали, что он из второго, а во втором – что из первого.

Правда, случилась минута, когда он снова ощутил предательскую дрожь в коленях. Это произошло, когда к нему, молчаливо стоявшему уже в другой точке – в Кремле, у Алмазного фонда, приблизился некий гражданин в штатском и по-военному строго спросил:

– Ты чего здесь стоишь?

Страх придал наглости, и Ильин зло бросил в ответ:

– Поставили, вот и стою!

* * *

Когда утром дежурный по Комитету доложил Цвигуну о том, что в Краснопресненский райотдел КГБ обратился заявитель с просьбой разобраться, не связано ли неожиданное появление в Москве его вооруженного двумя пистолетами племянника с предстоящими торжествами в Кремле, генерал понял, что утратил возможность монополично распоряжаться информацией, поступившей из Ленинградской области, и вскоре обо всём станет известно Андропову.

«Черт бы побрал этих внуков Павлика Морозова, нейметса им!» – помянул недобрым словом Семён Кузьмич отставного эмвэдэшника.

Чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля, а также для создания видимости проверки сигнала, Цвигун приказал коменданту Кремля, генерал-майору Шорникову (?!), посадить дядю дезертира в машину и ездить с ним по маршруту Кремль – Внуково: не мелькнет ли в толпе встречающих космонавтов москвичей лицо племянника.

Эта изначально абсурдная идея призвана была притупить бдительность Андропова, внушить ему мысль, что задержание подозрительно ведущего себя младшего лейтенанта – дело получаса.

Однако Юрию Владимировичу сам факт отстранения коменданта Кремля от исполнения прямых обязанностей – руководства охраной вверенной территории, показался в высшей мере странным.

Кроме того, Цвигун почему-то не торопится с раздачей фотографий Ильина стоящим в оцеплении сотрудникам милиции и КГБ. К чему бы это?

Кстати, о фотографиях. За несколько минут до подъезда правительственного кортежа к Боровицким воротам их всё-таки раздали, но никто из охраны не был предупрежден, что Ильин появится не в военной, а в милицейской форме. Поэтому опричники из оцепления, вместо того чтобы проверять всех сержантов милиции, усердно искали младшего лейтенанта в общевоинской форме.

Возникает еще один вопрос. Почему фото распределили только среди охранников, дежуривших по внешнему периметру Кремля, почему они не достались тем, кто был внутри? Ведь сам факт раздачи фотографий дезертира уже свидетельствует о том, что от него ожидали каких-то враждебных проявлений, не так ли?

И последнее. Последнее по счету, но отнюдь не по важности.

Когда Брежнев, Косыгин и Подгорный погрузились в правительственный «членовоз», в машине раздался телефонный звонок. Трубку поднял адъютант генсека Г. Петров. Звонил

Цвигун, попросил к телефону Брежнева. Не вдаваясь в подробности, он порекомендовал дорогому Леониду Ильичу сделать во время движения перестроение и следовать в кортеже под номером «три».

Значит, Цвигун отдавал себе отчет, что ожидаемые от Ильина враждебные проявления строго адресны и нацелены в Брежнева и находящихся с ним в машине лиц?

Подстраховывался Семён Кузьмич не потому, что пекся о государственной безопасности и о престиже державы, а лишь для того, чтобы не потерять своего драгоценного родственника и благодетеля – это же собственной смерти подобно!

В напуганности под занавес был скрыт тонкий расчет.

Во-первых, последние предупреждения, как и те, кто их делает, лучше запоминаются.

Во-вторых, зачем мешать Ильину совершить то, что он задумал? Его лишь надо замкнуть на «негодный объект», и пусть себе стреляет по второй машине, тем более что в ней едет Береговой, внешне так похожий на Брежнева. Спрос-то всё равно будет с Андропова: он же *пока* во главе государственной безопасности. И дай бог, чтобы этот младший лейтенант наделал побольше шуму! А если он кого-нибудь угрожает, ну что ж, так тому и быть – тем яснее станет для всех несостоятельность этого рафинированного эстета Андропова на посту председателя КГБ.

Во главе такой организации должен стоять боевой генерал и летописец партизанского движения в Белоруссии Семён Кузьмич Цвигун и никто другой!!

Расчеты Цвигуна по части масштабов скандала и позора для державы оправдались. Авторитет органов госбезопасности был подорван основательно. И не столько внутри страны, как за ее пределами, – в глазах мировой общественности и наших союзников.

А что же Андропов? Неужели доверился своему заму и отдал все на откуп Его Величеству Случаю?

Искусственно созданный Цвигуном цейтнот не позволил Андропову эффективно использовать всю кагэбэшную рать – секретных агентов, – которым было вменено в обязанность присутствовать в толпах москвичей по пути следования космонавтов. Не были они вовремя снабжены и фотографиями блуждающего террориста. А то, что Ильин прибыл в Москву для совершения террористического акта, у Андропова сомнений не было. Догадался он и о том, что его заместитель также не питает иллюзий в отношении намерений вооруженного двумя пистолетами боевика. А меры по его розыску, инициированные Цвигуном, носят лишь показательный и отвлекающий характер.

Умел Семён Кузьмич завернуть воздушный шарик в красивую упаковку, ничего не скажешь!

* * *

Как только Андропову доложили, что террорист – офицер, у него мелькнула мысль: не заговор ли это военной контрразведки, находившейся в ведении и под патронажем генерала Цвигуна?

Идею эту Андропов отверг, вспомнив, что авторитет Семёна Кузьмича в офицерской среде нулевой.

«Просто, – решил председатель, – Цвигун пытается воспользоваться шансом, предоставленным ему судьбой. Убийства Брежнева он не желает – это ясно, как Божий день, но пассивно потворствовать возникновению скандала – это в его интересах. Ведь он считает себя обойденным, став всего лишь заместителем. Эх, Семён Кузьмич, Семён Кузьмич! С вашим интеллектом урюпинской милицией командовать, а не Комитетом госбезопасности!»

Опасность возникновения скандала заставила Андропова действовать энергично.

По его указанию была усилена охрана Кремля и подъездов к нему со стороны Боровицких и Спасских ворот (последние рассматривались как запасной въезд) надежными оперативниками из Центрального аппарата КГБ.

Затем он отдал распоряжение председателю государственного Комитета по телевидению и радиовещанию беспрестанно передавать в эфир информацию о порядке следования машин в кортеже, подчеркивая, что во втором автомобиле находятся Брежнев, Косыгин, Подгорный.

– Юрий Владимирович, – взмолился председатель Госкомтелерадио, – но ведь это всё равно что при входе в подъезд вывесить объявление: «Уважаемые домосиды, деньги находятся в квартире на втором этаже», если мои дикторы во всеуслышание сообщат, что во второй машине находится всё руководство страны, то какой-нибудь пьянчуга обязательно запустит в нее бутылкой, это же ежу понятно!

Андропову было совсем не до ежей, поэтому он, вопреки своей привычке выражаться просто и без назидания, сказал:

– Вы – государственный человек, товарищ Месяцев, а не феодал! С каких это пор в Госкомитете появились *ваши* дикторы? Да и вообще, ежи какие-то у вас на уме... Может, вас на зоопарк перебросить? Имейте в виду, что телевизор и радиоприемник у меня включены, поэтому я лично прослежу за работой *ваших* дикторов... До свидания!

Месяцев понял, что у Андропова, этого с виду плюшевого медвежонка, – стальные челюсти. Через год он в этом убедится окончательно: его место займет «Железный канцлер» теле-радиоэфира Сергей Лапин.

Последнее, что сделал Андропов перед тем, как Ильин нажал на спусковой крючок, – позвонил в машину Брежнева и предложил немедленно перестроиться, заняв в кавалькаде последнее, пятое место.

Перечить Леонид Ильич не стал, тем более, что это было уже второе предупреждение и ни от кого-нибудь – от высших чинов госбезопасности! Конспиратор он был отменный, поэтому, положив трубку, с наигранным недоумением обратился к Косыгину и Подгорному:

– А мы-то чего лезем вперед? Кого чествуют, нас или космонавтов? Скромнее надо быть, товарищи, скромнее...

Отодвинув задвижку разделяющей салон перегородки, скомандовал водителю:

– Ну-ка, Виктор, быстро в хвост колонны... Чтоб мы последними были!

Когда стихли выстрелы, лимузин с «Большой Тройкой» рванул в Кремль и тут же врезался в машину «скорой помощи», мчавшуюся на звук пальбы.

При ударе Брежнева отбросило на перегородку, и он рассек в кровь бровь. Поэтому награды, как это видела вся страна, космонавтам вручал Подгорный.

Кстати, после инцидента у Боровицких высшее руководство страны: Брежнев, Косыгин, Подгорный, никогда более не находились одновременно в одной машине или самолете. Политбюро опасалось рецидивов «Боровицкого синдрома».

Разбор «залетов»

Дело раскручивали по полной программе в течение года.

Каждой сестре досталось по серьге: со своих постов слетели многие генералы и старшие офицеры Ленинградского военного округа. Добрались даже до военкома Смольнинского района, имевшего несчастье несколькими годами ранее призвать Ильина на военную службу. Двоих сослуживцев террориста, младших лейтенантов А. Степанова и А. Васильева, осудили по статье 88 «прим» УК РСФСР «за недоносительство» на пять лет лишения свободы каждого.

Сегодня они считают, что их вина состояла в том, что они были излишне откровенны со следствием. Недаром говорится: «чистосердечное признание облегчает душу, но удлиняет срок».

«Недоносительство» Степанова и Васильева заключалось в следующем.

Однажды на дежурстве они включили телевизор и из программы «Время» узнали, что в Гане произошел очередной военный переворот и к власти пришли молодые офицеры.

Ильин на известие отреагировал моментально, спросив у сослуживцев, возможно ли такое у нас, ведь все отчаянные ребята сложили головы на фронтах Великой Отечественной. Вот и всё. О чем должны были донести сослуживцы Ильина, думается, они и до сих пор не понимают...

Ильину предъявили обвинение по пяти статьям уголовного кодекса: распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй; попытка теракта; убийство; хищение оружия; дезертирство. Но не судили – признали невменяемым.

Думается, окажись любой на его месте, он тоже был бы признан душевнобольным. Ведь вынести Ильину нормальный, полновесный приговор – означало бы признать, что в государстве есть какие-то недовольные, чуть ли не вооруженная оппозиция.

«Да как такое может быть?! В стране, где так вольно дышит человек, где все трудящиеся еженощно рыдают от избытка любви перед портретами пролетарских вождей (80 копеек комплект в те годы), один урод – вдруг на тебе! – стреляет в самого главного Вождя! Да что же о нас подумает за граница?! Что у нас чего-то там недостает – то ли свободы, то ли колбасы? Нет уж, как хотите, но Ильин – шизик!»

А тут ко времени подоспел профессор Снежневский со своим открытием эпохального значения – своей новой болезнью – вялотекущая шизофрения называется. Кстати, чистойшей воды плагиат, украденный Снежневским у Хермана Левин-Гольдшмидта, отвязного теолога, отторгнутого и высмеянного своими коллегами за дремучее невежество в вопросах психиатрии вообще и за вялотекущую шизофрению в частности.

Кстати, Левин-Гольдшмидт состоял на иждивении у западных спецслужб. В своих трудах, датированных началом 80-х годов XIX века, он выворачивал наизнанку Библию, пытаясь облагородить один из смертных грехов – измену. Он оправдывал предательство, используя исторические аналогии, представлял измену как вселенски обусловленное явление. Смотрите, мол, делали же это праотцы рода человеческого, почему же нам запрещено?

Зарубежные школы психиатров до сих пор отказывают вялотекущей шизофрении в праве на существование, потому что наипервейшими признаками шизофрении является наличие у больного бреда и галлюцинаций. Не важно, в какой форме – письменной или устной – они выражены.

Почитатели теории Снежневского, приверженцы вялотекущей, утверждают, что указанные симптомы могут и отсутствовать. Странно, да? Симптомов нет, а человек болен!

На Западе сразу поняли: эта болезнь, вернее, этот диагноз – не что иное, как заказ КПСС и КГБ.

Арсенал спецсредств Комитета государственной безопасности пополнился еще одним безотказным орудием борьбы с инакомыслием, Снежневский получил свою Золотую Звезду Героя Соцтруда, советские диссиденты – свой диагноз.

И какой бы ты ни был активный правозащитник – всё равно ты вялотекущий шизофреник. Так постановила Партия и ее боевой отряд охранения на марше к светлому будущему – Пятое управление Комитета государственной безопасности Союза ССР, возглавляемое генералом Филиппом Бобковым.

Прогул в восемнадцать лет

Территория ограждена каменной стеной с колючей проволокой. По углам – вышки с автоматчиками. Предзона с контрольно-следовой полосой и еще одним ограждением из колючей

проволами. Внутренний глухой забор с колючей проволокой. Сигнализация. Овчарки. Телекамеры.

Это – не из фильмов о войне и о фашистских концлагерях. Это – Казанская спецпсихбольница, куда в 1970 году попал Ильин и где провел восемнадцать лет заточения в одиночной камере.

Во внутренней охране, помимо надзирателей (вольнонаемных прапорщиков), за больными наблюдают... расконвоированные уголовники, отбывающие сроки за тяжкие преступления. Уголовников именуют «санитарами» (в белых куртках и белых пилотках), антисоветчиков – «больными», или просто – «дураками». Отдежурив смену, уголовники смотрят телевизор, играют в волейбол, ходят в школу.

«Дураков» даже по малой нужде не всегда выпускают из камер: они писают в ботинок, выливают в окно.

«Санитары» избивают «дураков» по любому поводу, иногда за экзекуцией наблюдает кто-нибудь из медперсонала. Бьют безжалостно, наибольшие повреждения причиняя внутренним органам, в особенности почкам и печени. Цель: отправить всякого прибывшего на излечение диссидента с «уткой» по жизни...

В таких условиях Ильин пробыл около двух лет, пока не закончилось строительство нового корпуса с одиночными камерами.

Встретил он и экскаваторщика, и пиротехника. Последний за время пребывания в больнице в свой, ставший легендарным после совершенных им действий на Красной площади афоризм внес существенные изменения.

Когда в больнице появился Ильин, пиротехник вместо фразы: «Уходя, гасите *всех*, сила вся в кефире!» – уже говорил: «Уходя, гасите свет – кайф в аминазине!»

Экскаваторщик поначалу все пытался выведать у персонала расстояние от больницы до Мавзолея, но после того, как уголовники несколько раз устроили ему так называемое «тестирование в барокамере», усыпальница Вождя международного пролетариата потеряла для него былую привлекательность. «Тестирование в барокамере» проводилось якобы в целях выяснения физических возможностей подопытного для работы в космосе и на практике реализовывалось так.

Орущего благим матом «дурака», невзирая на его рост и комплекцию, «санитары» заталкивали в прикроватную тумбочку и, затащив ее на второй этаж, сталкивали вниз. Чтобы тестируемый не вывалился наружу, скатываясь кубырем по ступеням, тумбочку обматывали веревкой.

Как ни странно, но тумбочки иногда выдерживали это испытание.

Некоторым исследователям бытия советских политзаключенных в Казанской спецпсихбольнице это передвижение узников в тумбочках напоминало путешествие в грузовом лифте лубянской тюрьмы.

Когда уголовники попытались «тестировать» Ильина, он зубами впился в нос одному из атакующих и не отпустил его до тех пор, пока совсем не откусил.

После этого инцидента подготовка Ильина в космонавты пошла по другому плану: настоящие санитары стали превращать ягоды террориста в решето, вкалывая ему избыточные дозы аминазина...

После выхода Ильина из больницы выяснилось, что в 1969 году во всеобщей суете и суматохе, командование части, где служил террорист-неудачник, не исключило его из списков личного состава, другими словами, он не прошел законной процедуры увольнения.

В 1990 году с помощью ловкого адвоката Виктор Ильин отсудил у Ленинградского военного округа все причитающиеся ему деньги за вынужденный прогул, длившийся восемнадцать лет, получил чемодан сторублевых купюр и однокомнатную квартиру.

Вместо послесловия

Через год после покушения Цвигун был отстранен от кураторства военной контрразведкой. Его место занял старинный соратник Леонида Ильича по днепропетровским партийным тусовкам Георгий Цинёв. Семену Кузьмичу Брежнев поручил командовать хозяйственными службами Комитета.

Но звездный полет Цвигуна продолжался еще не один год. Даже будучи выброшен на задворки Системы государственной безопасности, он сохранил за собой должность первого заместителя председателя КГБ СССР. В 1971 году он – кандидат в члены ЦК КПСС; в 1977-м – Герой Соцтруда; в 1978-м – генерал армии.

Андропову вслед за возникновением тандема «Це-Це» работать стало еще труднее.

Единоначалие в КГБ, по сути, было утрачено: каждый из членов триумvirата тащил одеяло на себя, создавая вокруг себя фракции из начальников подразделений Комитета. В узкий круг особо приближенных можно было попасть, разумеется, не по деловым качествам, а по степени личной преданности.

Дважды Герой Советского Союза космонавт Георгий Тимофеевич Береговой, поплатившийся за свое внешнее сходство с Брежневым ранением лица осколками стекла, в 1975 году наряду с народным артистом СССР Евгением Матвеевым получил приглашение от режиссера Юрия Озерова пройти фотопробы для съемки в его новом фильме «Солдаты свободы». В этом фильме Береговому предстояло сыграть молодого Леонида Ильича.

По сценарию в начале фильма Георгий Тимофеевич, загримированный генсеком, к собственным двум Золотым Звездам должен был добавить еще одну – муляж.

Георгий Тимофеевич возмутился и со словами: «Не будем смешивать пряники с портянками!» – покинул съемочную площадку. Навсегда...

* * *

Вслед за событиями 22 января состоялась Коллегия КГБ СССР, которую проводил Цвигун. Козлов, будучи информирован от самого Андропова о роли Семёна Кузьмича в событиях у Боровицких ворот, во время высшего ведомственного форума позволил себе прямо-таки немислимую по тем временам вольность.

Когда Цвигун на очередную снайперскую реплику Козлова отреагировал воплем: «Вон из кабинета!», генерал спокойно встал и громогласно бросил в ответ: «Вон из контрразведки!»

Все присутствовавшие на Коллегии генералы, как нашкодившие школьники, сбивая друг друга, бросились вон из зала. Никто не сомневался, что дни, даже часы Козлова в должности начальника Отдельной службы, сочтены.

Но судьба вела за руку вольнодумца и еретика, взяв его под свое покровительство. По прикидкам догадливых генералов судьбоносную роль в жизни Козлова играл не кто иной, как сам Андропов. И они не ошибались. Председатель КГБ СССР не только благоволил Козлову, его устами нередко озвучивались мысленные наработки Андропова...

На следующий после инцидента день Цвигун застрелился. Комитетские острословы тут же по-своему обыграли самоубийство всеильного зампреда:

«Вы знаете, из-за чего покончил с собой Цвигун? Не смог принять, но и отклонить предложение Козлова. Безысходность, батенька!»

В каждой шутке, как известно, только доля шутки. А позиции Козлова после случая с Цвигуном стали прямо таки незыблемыми – в Центре поняли, что за спиной Козлова маячит тень самого Андропова.

Глава шестая. Ставка на Арапа

Генерал Козлов трезво оценивал ограниченные возможности использования в интересах своей Службы избалованных отпрысков высшей партийной номенклатуры. Тянулись они туда, полагая, что это – именно то подразделение Комитета, где дождем осыпаются ордена, почести, денежные премии, заграничные командировки.

Работа в Службе виделась им сплошной каруселью дипломатических раутов, где, походя, рассеянно, за рюмкой коньяка, проводятся вербовки послов, министров, военных атташе. В перерывах между приемами и коктейлями совершаются лихие похищения офицеров генеральных штабов иностранных держав. А после удачно проведенной акции можно оттянуться в обществе юных длинноногих блондинок где-нибудь на Канарах или в Рио-де-Жанейро. И всюду, конечно, хруст новеньких банкнот, аромат французских духов и дорогих сигар, хлопанье открываемых бутылок шампанского, подбострастие прислуги.

«Сынкам» и невдомек было, что все оперативные находки зиждятся, как на постаменте, на терпеливых задницах коллег-подчиненных генерала Козлова, а в полученные ими ордена вплавлены их собственные кровь, пот, нервы. Да разве объяснишь, да разве поймут...

Выслушав доводы Казаченко в пользу привлечения капитана милиции Ганнибала Аношина к разработке «Пророка», Козлов надолго задумался.

– Что-то не так, товарищ генерал? – Олег рискнул прервать затянувшиеся начальственные размышления.

– Нет-нет, – мгновенно отреагировал шеф, – просто хочу прояснить кое-что. Сдается мне, что, привлекая Арапа к сотрудничеству, мы находимся в положении, которому дали определение французы: «За неимением лучшего приходится спать со своей женой».

Выбора у нас действительно нет. Как, впрочем, и времени для выбора. У нас в обойме всего один патрон – Арап. А если этот патрон окажется холостым? Уж больно наш кандидат понятен и чист, как образцовая анкета, как месткомовская характеристика... Справится ли он с заданием? Всякий оперативник – режиссер, ясно представляющий, *как* надо сыграть роль. Но не всякий режиссер сам с этой же ролью может справиться. Обладает ли Аношин достаточной фантазией для принятия авантюрных решений? Ситуация может сложиться далеко не стандартная. Ты оставь-ка мне все документы, а завтра я тебя вызову... Начальство мне уже в затылок дышит с этим «Пакетом», будто он только-только появился на натовских судах! Чудны дела твои, Господи... Ладно, ступай!

Глава седьмая. И всё тайное становится явным...

Ночные вылазки к окнам женского общежития продолжались уже несколько месяцев. Как правило, они приходились на ночи полнолуния или им предшествующие. Иногда на ночи, следовавшие за полнолунием. В другие же дни и вечера *Он* с совершенным спокойствием, даже безразличием, проходил мимо открытых окон. Свет их приобретал роковую притягательность лишь в означенный период.

Самое замечательное заключалось в том, что *Он*, вопреки заведенному правилу, ставшему со временем его «alter ego», даже не пытался подвергнуть анализу своё поведение и то, что с ним происходило. Ему такая мысль даже в голову не приходила. Не испытывал *Он* и угрызений совести. Ни перед собой, ни перед женой. Как если бы это происходило не с ним, а ему знакомым человеком. При всём том, *Он* всё помнил. Хотя и были эти воспоминания лишены всяких красок, эмоционального фона. Так, статистические зарисовки, ни более. Ближе к полнолунию увиденные ранее им картины извращенной любви приобретали цвет, звук. Они начинали, как бы просыпаться, оживать. Но теперь они жили не сами по себе, а в его воображении и сознании. Не отдельно от него, но вместе с ним. Ожившие, они, как омут, манили, затягивали. И не было никаких человеческих сил им противиться...

Теперь на лесбийский спектакль *Он* выдвигался под предлогом выгула «Султана». Удобно. И жена спокойна, и кобелю дополнительная прогулка. С другой стороны, при таком матером охраннике следить за развитием сексуального шоу было просто безопаснее. И вот почему.

Однажды ночью он выяснил, что из порочного родника черпает не *Он* один. Оказалось, что у него есть подельники, или, скорее, конкуренты.

В очередной раз после затянувшейся за полночь Коллегии *Он* возвращался на служебной машине домой. Расставшись с водителем, как обычно в начале Гоголевского бульвара, *Он*, теперь уже торопливо, двинулся по проторенному маршруту.

Ознакомившись на месте с обстановкой и удостоверившись, что вокруг всё спокойно, а секс-труппа на месте, *Он* нырнул за угол, чтобы принести ящики.

«Партер, первый ряд, третий звонок, занимайте ваши места, господа... Тореадор, смелее в бой, торе-а-а-доррр», – мурлыкал *Он* себе под нос, устанавливая свой помост. Ведь если разобраться, то составной частью рампы можно считать не только мраморный банный столик, где выступали трое, а иногда – четверо жриц однополой любви, но и его самого, балансирующего на импровизированных подмостках.

Окна душевой располагались высоко от пола, почти под потолком, поэтому всё, что происходило внизу, – было обозримо, как на ладони. Вместе с тем риск для наблюдателя быть разоблаченным сводился к нулю, так как окна находились над головами лесбиянок, а им, занятым похотливым промыслом, было недосуг поднимать головы к небу.

В этот раз что-то не заладилось с самого начала. Разгадка наступила скоро.

«Зинка! – заорала старшая из девиц. – Сколько раз тебе говорить, чтобы ты мохнатку побрила?!»

«Кончай привередничать, лимита! Давай за работу, зрители на месте... У них уже *фаберже* от напряжения звенят!» – в азарте прошептал *Он*.

Наконец, девицы начали боевое построение: разобрали подходящие места, приняли удобные позы (на этот раз выступал квартет), по команде старшей принялись ритмично двигаться, распаяя друг друга истощными криками и стонами. Создавали, по их мнению, атмосферу интима, переходящего в нирвану.

Квартет только начал входить в экстаз, когда вдруг *Он* почувствовал, что кто-то дергает его за полу пиджака. Увлеченный до самозабвения зрелищем, *Он* резко обернулся, едва не

потеряв равновесие, ибо напрочь забыл, что стоит не на тротуаре, а, как кур на жердочке, находится между небом и землей.

– Старик, ты всё не съешь, давай слазь! Пора местами меняться...

У основания пьедестала стояли два дюжих «бычка». Глянув на их безусые лица, *Он* привычное обращение «старик» воспринял на свой счет слишком буквально, обиделся, но покорно освободил подмости. Не ушел. Остался стоять. Может, рассчитывал получить контрамарку на второй сеанс? Увы! Окна через минуту погасли. Незнакомцы спрыгнули вниз.

– Ну что, сладкоежка, накушался? – обратился к нему один из пришельцев. – Пойдем, сдрочим втроем!

– Да нет, ребята... я по другой части, – промямлил *Он*. – Я еще ни разу не...

– Да ладно, гимназист... в натуре... Один раз – еще не пидорас... Пошли! – И «бычок» попытался взять *Ego* под руку. – Вона, рядом во дворе...

Вечер явно не удался. Мало того что сеанс не имел «мокрого конца», а тут еще эти... Дрочильники! *Он* резко отпрыгнул на проезжую часть переулка.

– В общем, так, – выкрикнул *Он*, вытаскивая из нагрудного кармана пиджака нереализованные три рубля на обед, – вот вам на бутылку, а я пошел!

– Да ты чо, дядя, в натуре!

Он бросил деньги себе под ноги и что было духу пустился наутек. Сзади раздались гогот и улюлюканье...

На следующий вечер, взяв Султана на поводок, *Он* попытался найти запасную рампу. Однако к его искреннему разочарованию в округе больше не было общежитий.

«Что ж... Телефонистки и почтальонши, я возвращаюсь к вам, но не один, а с другом... Да, Султанчик? Трепещите, лимита!» – *Он* потрепал пса за холку и с этими словами решительно зашагал к общежитию Министерства связи.

Закончилось посещение спектаклей также неожиданно, как и началось.

Однажды ночью *Он* усадил Султана под окнами, а сам направился к пивной за ящиками. Не успел *Он* сделать и двух шагов, как за спиной раздалось приглушенное повизгивание пса и тот, радостно помахивая хвостом, сорвался с места и растворился в темноте переулка.

– Султан, ко мне! – не раз скомандовал *Он*. Но пес исчез. А в переулке призывно светились вожделенные окна, из которых стали раздаваться хлопки открываемых бутылок с шампанским, задорные возгласы и девичий смех. Карнавал похоти начинался...

– Нет, это невозможно пропустить! – вслух произнес *Он* и взгромоздился на ящики.

Вернувшись домой, *Он* застал там притихших жену и Султана. Обычно *Енотик* уже спала в это время. А как Султан оказался здесь? Неожиданно его осенило. Доказательство правоты своей догадки он нашел во взгляде своего любимого *Енотика*. Нет, в нем не было укора – только безграничная грусть и сожаление...

– Дорогой, я всё знаю... Тебе надо проконсультироваться, нет, пройти курс лечения... У Ланы есть хороший знакомый, психоневролог с мировым именем... Он практикует на дому... Никто ничего знать не будет... Всё останется между нами... А Султан нас не выдаст... Да, Султанчик? – Она потрепала пса по холке.

– Султан не выдаст? – насмешливо спросил *Он*. – А сегодня?

– Это я сегодня допустила ошибку... Зашла не с подветренной стороны... Прошу тебя, так больше не может продолжаться. Ты обязан побывать у профессора. Владимир Львович гарантирует сохранение в тайне и диагноз, и само лечение... Знаешь, у него в свое время перебивали чуть ли не все секретари ЦК, генералы, известнейшие актеры. – *Енотик* назвала несколько громких имен, правда, уже умерших людей. – Владимир Львович – светило в своей области. Даже Джуна приезжала к нему советоваться...

– Вот-вот, – парировал *Он*, – а потом профессор запишет в свой актив и мою фамилию, и будет козырять ею в рекламных целях. Ну, может, не он сам, а чья-то жена... Как ты вот сейчас...

– О чем ты говоришь? Не в интересах профессора распространяться о своей клиентуре. Во-первых, потому, что он берет с пациентов огромные деньги... Практикует частным образом... У него сразу же возникнут проблемы с налоговыми органами... Во-вторых, каждый потенциальный пациент, услышав от Владимира Львовича чью-то известную фамилию, настоится, предположив, что и его имя будет предано огласке при рекрутировании новых пациентов... Нет-нет, тайну лечения Владимир Львович гарантирует не из добродетельских побуждений и не потому, что зациклен на клятве Гиппократата... Ну не будет же он рубить сук, на котором так безбедно сидит... Частная практика – его единственный и весьма обильный источник дохода... Да ты и сам увидишь... Не дом – дворец... Полная чаша... Он разве что только бессмертия не имеет.

– Ты была уже у него?

– Да... Лана настояла, чтобы я напрямую обратилась к нему... Она отказалась вникать в наши... в твои проблемы...

«Ну что ж, – прикинул *Он*, сходить можно. Разок. На разведку. Как это недавно мне один щенок сказал? А, ну да: “Один раз – еще не пидорас!”»

– Согласен. Когда?

– Да хоть завтра... то есть уже сегодня... Вот его телефон. Скажи, что от Ланы... Он просит даже имени не называть... Он тебя готов принять, а там – решай сам. – *Енотик* украдкой утерла слезу.

«Надо идти. Хотя бы для того, чтобы не сделать любимому *Енотику* больно. Всё! Сегодня же!» – И *Он* направился в спальню.

Глава восьмая. «Плавающий ящик Пандоры»

В середине 1970-х Первый главк КГБ (внешняя разведка) добыл данные, что капитанам торговых судов, ходивших под флагами стран – членов НАТО и регулярно посещавших советские порты, под персональную ответственность были вручены секретные «Пакеты», которые, в частности, содержали:

- предписание, регламентирующее действия команды в случае ядерного конфликта (дня «Д»);
- список морских баз, банков и финансовых институтов, принадлежащих явным или тайным союзникам Североатлантического блока, готовых оказать судну режим наибольшего благоприятствования в день «Д»;
- свод рекомендаций, как избежать интернирования, находясь в портах СССР или его союзников при наступлении дня «Д»;
- меры, которые необходимо предпринять при встрече с советскими субмаринами и с военными кораблями в нейтральных водах в день «Д»;
- предполагаемые маршруты ухода в день «Д» в безопасные порты судов, груженных стратегическим сырьем;
- блок натовских кодов и шифртаблицы, действующие в течение двух лет.

Словом, в «Пакете», как в волшебном ларце, было собрано всё, что успели выдать на гора стратеги-теоретики, то, за чем охотился и по крупницам выбирал Комитет государственной безопасности из неводов агентурной и технической разведки.

Утрата «Пакета» или его вскрытие без санкции директивных органов НАТО приравнивались к совершению особо опасного государственного преступления и карались по законам военного времени. Виновным грозил длительный срок тюремного заключения.

Согласно регламенту НАТО, «Пакетом» были оснащены суда, отвечающие следующим требованиям:

- а) судно используется для транспортировки материалов стратегического назначения (нефть, руда и т. п.);
- б) лайнер оснащен современным навигационным оборудованием, а его грузоподъемность (дедвейт) составляет не менее 40 тысяч тонн;
- в) опыт безупречного мореплавания капитана – не менее 10 лет. Вместе с тем «Пакет» отсутствовал на тех судах, – даже если они отвечали перечисленным требованиям, – где капитаном был грек. Русские и греки – православные, поэтому, по мнению руководства НАТО, русской разведке было проще подобрать ключи к грекам-единоверцам.

В целях выявления контактов с советскими спецслужбами должностные лица, имевшие доступ к «Пакету», находились под неусыпным контролем натовских контрразведывательных органов, регулярно подвергались проверкам и тестированию, в том числе и на полиграфе.

Изучив поступившие данные, аналитики КГБ пришли к заключению, что с большой долей вероятности «Пакет» являет собой материализованный плод научно-изыскательских работ спецслужб военно-морского ведомства НАТО и в ближайшие годы будет основным документом, регламентирующим работу судов торгового флота всех стран Североатлантического альянса в Восточном полушарии. С легкой руки одного из заместителей начальника Первого главка генерал-лейтенанта Вадима Кирпиченко, человека с развитым чувством юмора, «Пакет» обрел кодовое имя – «плавающий ящик Пандоры».

Данные о содержимом «Пакета» и выводы аналитиков были рассмотрены на Коллегии КГБ, затем председатель Ю.В. Андропов доложил их на заседании Политбюро, где прозвучало коллективное требование: «Добыть!» Вслед за этим «Пакет» стал объектом первоочередных

устремлений спецслужб СССР и стран Варшавского Договора, в чьи порты заходили торговые суда указанной классификации.

Завладев «Пакетом», мы могли бы открыть для себя много нового о целях и приоритетных направлениях деятельности противника в морских широтах Восточного полушария и оценить степень его осведомленности о принятых нами мерах по обеспечению безопасности. Сведения, содержащиеся в «Пакете», кроме прочего, могли способствовать выявлению каналов утечки наших секретов к противнику, и как следствие – совершенствованию методов зашифровки военно-морских программ. В резолютивной части протокола заседания №__от__ января 197__ года Коллегия констатировала: «содержимое “Пакета” стоит того, чтобы не экономить на способах его приобретения».

Вместе с тем, заполучив «Пакет», надо было сделать всё возможное, чтобы натовские стратеги оставались в неведении о нашем «прозрении», в противном случае они могли внести туда изменения. В Комитете пришли к заключению, что лучшим способом сохранить втайне от противника нашу осведомленность о содержимом «плавающего ящика Пандоры», явилось бы установление долгосрочных агентурных отношений с капитаном, который передаст «Пакет», ибо поп-расстрига – самый рьяный атеист...

* * *

За несколько лет до описываемых событий с одним английским судном в советских широтах Баренцова моря случилась трагедия. Корабль ночью в шторм напоролся на невесть откуда взявшиеся льдины, получил пробоины и затонул. Ближе всех к месту катастрофы оказались наши эсминец и подводная лодка, возвращавшиеся с боевого дежурства. Они поспешили на призывы о помощи «SOS», но всё было кончено ранее их прибытия в квадрат. Удалось спасти только двух членов экипажа, которые вскоре скончались от переохлаждения. Один из них, помощник капитана, в бреду постоянно повторял слово «Пакет».

По прибытии на базу, подробности спасения двух англичан были доложены командиром эсминца по команде. Два часа спустя в Москве уже знали о затонувшем судне *всё*, как знали и о предсмертных словах помощника капитана. Потерпевший крушение английский рудовоз подпадал под классификацию судов, имеющих пресловутый «Пакет». Не было счастья – да несчастье помогло. Казалось, протяни руку и жар-птица твоя.

В Мурманск из Москвы вылетели высшие офицеры директивных подразделений КГБ. Из числа военных водолазов сформировали бригаду. Утром следующего дня, несмотря на шторм, вышли в открытое море. Обследование затонувшего корабля с подводной лодки дало утвердительный ответ о возможности доступа водолазов в жилые помещения и капитанскую рубку. На нашу удачу рудовоз затонул на мелководье. Многочасовые подводные работы дали результаты: на борт нашего боевого корабля подняли несколько трупов членов команды и сейф капитана. Действительно, так называемый «Пакет», покрытый полихлорвиниловой оболочкой и снабженный восковой печатью, находился среди других судовых документов.

«Вскрыть!» – приказал старший московской экспедиции охотников за натовскими секретами.

Как только самый младший по должности – начальник Мурманского Управления КГБ – ножницами вспорол синтетическую упаковку, «Пакет» вспыхнул ярким белым пламенем.

«Ложись!» – крикнул старший.

Через пару секунд ослепленные, в буквальном смысле, генералы смогли различить на зеленом сукне стола дымящуюся оболочку со щепоткой пепла внутри.

«Как в крематории», – раздался чей-то голос в гробовой тишине. «Сгорели!» – добавил другой.

Неизвестно, относилось ли это к документам в «Пакете» или к самим генералам.

Доложенческий пыл возоблада над осторожностью, жар-птица взмыла ввысь, оставив обугленное перо на прожженном сукне стола...

...Шли годы, уходили в отставку полковники и генералы, руководившие мероприятиями по добыче «Пакета», а его начинка так и оставалась для нас тайной за семью печатями. Морские просторы бороздили натовские суда, чьи сейфы были обременены сверхсекретной информацией.

«Должен же быть “некто”, – считали в центральном аппарате Комитета, – кого можно было *соблазнить* или *вынудить* ею поделиться!»

Поступил безоговорочный приказ: «Добыть!»

Отдельная служба, возглавляемая генерал-майором Козловым, как раз и занималась координацией этого добывания.

Тонкую ниточку клубка под названием «Пакет», даже не ниточку – паутинку, казалось, уже держали в руках. Этой паутинкой был «Пророк». Дело было за малым – склонить его к жесту доброй воли: выдаче «Пакета».

Глава девятая. Пророк

21 октября 1969 года бригадный генерал Мохаммед Сиад Барре во главе преданных ему офицеров армии Сомалийской республики совершил военный переворот, сверг и умертвил всенародно избранного президента, провозгласив себя Верховным правителем, но уже Сомалийской демократической республики. Большинство находившихся за пределами страны сомалийских дипломатов, курсантов военных училищ, слушателей военных академий, студентов высших учебных заведений не приняли авторитарного режима Барре и не вернулись в Сомали. Многие чиновники администрации свергнутого президента с семьями спешно покинули страну в направлении прежней метрополии – Италии.

Как правило, и невернувшиеся, и покинувшие руководствовались в своем неприятии удерживаемой штыками послушной армии новой власти не только политическими соображениями. Чаще потому, что принадлежали к другому, нежели самозванец Барре, тейпу.

Октябрьская революция застала Мохаммеда Али Самантара, слушателя третьего курса Бакинского высшего военно-морского училища, в Риме, куда он прибыл по вызову своего отца, советника-посланника Сомали в Италии.

Отец – Али Осман Самантар – пользовался личным расположением и поддержкой низложенного президента. В силу этого и других обстоятельств он автоматически перешел в ряды противников режима Сиада Барре.

Указом президента-узурпатора Али Осман был смещен с должности заместителя посла и лишен, как и его семья, сомалийского гражданства и всего имущества на территории Сомали. Таким образом, одним росчерком пера Али Осман лишился своего основного источника существования – поступления денежных средств от продаж тысяч голов бродивших по просторам Сомали верблюдов и крупного рогатого скота. В одночасье он из богатого человека и влиятельного дипломата, почитателя римских бонвиванов (из-за привлекательности его трех дочерей и устраиваемых в их честь приемов) превратился в нищенствующего чернокожего, коим в Италии несть числа.

Али Осман рассчитал в тот же день личного шофера, врача, повара, садовника и прочую челядь, населявшую его дом в центре Рима.

Бывший дипломат без иллюзий смотрел в будущее. Он не обольщался насчет обустройства личной жизни своих дочерей. При всем том, что каждая из них могла составить конкуренцию некоторым западноевропейским фотомоделям, спросом чернокожие дивы в Европе уже не пользовались.

Но самое большое беспокойство Али Османа вызывала судьба единственного сына и продолжателя фамилии и рода – Мохаммеда Али Самантара.

В 16 лет мальчик окончил в Могадишо итальянскую школу. Сдал экзамены экстерном, получил аттестат с отличными оценками. После прошел конкурсный отбор придирических русских советников и был направлен в Бакинское Высшее военно-морское училище. Советские военные наставники прочили Мохаммеду блестящую карьеру в сомалийских ВМС, видели в нем будущего командующего сомалийским флотом, адмирала. Первого адмирала-сомалийца!

Ах, если бы не этот выскочка – генерал Барре!

Вызвав сына в Рим, Али Осман поставил наследника перед выбором: окончить училище в СССР и получить диплом, который закроет ему двери в военно-морские силы Западной Европы. Или, бросив училище, устроиться в торговый флот Италии. Последнее было вполне реально благодаря полученным Мохаммедом флотоводческим навыкам и теоретическим знаниям в Бакинском училище, а также, что немаловажно, обширным, и еще действующим, связям его отца.

Доводы отца были бесспорны. То обстоятельство, что семья Али Османа была лишена сомалийского гражданства, – было решающим. Выбор был небольшой. Либо немедленно устроиться на какое-либо итальянское коммерческое судно в должности помощника капитана, либо, окончив училище в Баку, остаться офицером без звания, без должности и без флота.

Мохаммед Али Самантар был равно эмоционален и рассудочен.

Первое, что он сделал: принял предложение умудренного опытом своего отца.

Затем напился. Благо, питейных заведений в Риме хватало. А почти три года, проведенные в Бакинском училище, научили мусульманина Мохаммеда пить русскую водку и есть свиную колбасу.

Надо сказать, что лучшего питания и снеди Мохаммед – по его собственным оценкам – ни до, ни после ухода из Бакинского училища не пробовал.

По человечески младшего Самантара можно понять. Он не состоялся как адмирал. А ведь русские на похвалы отнюдь не щедры. Да и сам курсант видел: то, что ему удалось с первого раза, было недоступно его сокурсникам-сомалийцам и с третьего. Мохаммед, по независящим от него обстоятельствам, принял *контрастный* душ: из-под теплых лучей обожания своих русских наставников и перспектив продвижения по службе в сомалийских ВМС, он чуть было не попадал в сырую яму нищеты.

Каждый человек приходит в этот мир, как письмо до востребования. Востребует его мир – и он состоится как личность, а не востребует... Мохаммеда не востребовали как флотоводца, как адмирала сомалийских ВМС. И виной тому – решение президента Сомалийской демократической республики – Сиада Барре. Как Мохаммед Али Самантар должен был относиться к нему? В будущем же, узнав, что генерала поддерживает военными поставками Москва, он круто изменил свое отношение к СССР. Больших врагов, чем русские, у него теперь не было. Танки, пушки, корабли, самолеты – Сиаду Барре – только для того, чтобы удержать его у власти? А искореженные судьбы несостоявшихся адмиралов и генералов? Нет, этого простить Советам Мохаммед Али Самантар был не в состоянии!

* * *

Вчитываясь в документы оперподборки «Пророк», Казаченко не переставал удивляться зигзагам судеб людей, о существовании которых он и не подозревал.

Готовясь к докладу генералу Козлову, Олег составил справку по изучению объекта оперативной подборки «Пророк» – Мохаммеда Али Самантара, – в которой, в частности, отметил:

Первое. В поведении сомалийца явственно прослеживается комплекс невостребованности. Исполняя на итальянских коммерческих судах должность первого помощника капитана уже около пятнадцати лет, он отдавал себе отчет, что из-за своего происхождения никогда не станет капитаном. К должности ли первого помощника готовил себя Самантар, этот несостоявшийся адмирал сомалийских ВМС?

Второе. По агентурным данным, объект постоянно высказывает в своем окружении недовольство своим статусом. Искренне сожалеет о безвременной кончине своего отца. Негодует по поводу праздности, в которой проживают его сестры, полностью находящиеся на его содержании. Заходя в иностранные порты, ведет разгульный образ жизни, злоупотребляет спиртным.

Третье. Самантара преследует хроническое безденежье. Из-за отсутствия денег он не может устроить свою личную жизнь, вынужден принимать предложения на рейсы, которые сулят наибольшие гонорары, но не приносят удовлетворения чувству профессионального достоинства флотоводца.

«Не на этом ли “посадить на крючок” объекта?» – подумалось Олегу.

Идею он отверг: Пророк догадается, что деньги предлагаем ему мы. Ибо «Пакет» – собственность НАТО и США. Кто еще может за ним охотиться? Только – русские. Учитывая

настрой объекта к нам, было бы неразумно идти на столь рисковый шаг. Рвать паутинку, ох, как не хочется!

«Нет, деньгами его не соблазнишь, – решил для себя Олег. – Кроме того, Пророк – отпрыск знатного рода. Может проснуться самолюбие нищенствующего аристократа: “Что мне деньги? Честь дороже!” – Нет, надо искать что-то другое».

Следующий блок материалов оперподборки подсказал Казаченко, в каком направлении искать подход к иностранцу. Вот оно – четвертое!

Четвертое. По данным наших источников, Пророк в конце 1970-х подружился с человеком сходной судьбы. Пьер Бенжамин, выходец из аристократической семьи, также подвергся гонениям после свержения законной власти в Сьерра-Леоне.

Пьер окончил Одесское военно-морское училище. Как и Мохаммед, грезил адмиральскими погонами и получил бы их, если бы не государственный переворот на родине. Чувство невостребованности и собственной ущербности были в основе отношений африканцев. Действительно, взлеты разъединяют, а схожие несчастья объединяют. Моххамед и Пьер стали друзьями. Но судьба была безжалостна: Пьер, выполняя коммерческий рейс, погиб во льдах Арктики.

«Это – то, что нужно! – Казаченко жирнофломастерно подчеркнул абзац. – Арап заменит Пьера Бенжамина!»

Глава десятая. План выемки «Пакета»

– Подполковник, – обратился Козлов к сидящему напротив Казаченко, – с вашими выводами по справке я ознакомился. Анализ, достойный заместителя начальника Службы. Удивляюсь, как до Вас аналитики не пришли к нужному выводу! – В голосе генерала звучала нескрываемая ирония. – Но дело, в конце концов, не в этом... Вам кое-что удалось... Поддерживаю ваши предложения, но...

Козлов сделал паузу, продолжая по-кошачьи передвигаться по кабинету.

– Скажите, как за три дня Аношин сумеет сдружиться с Мохаммедом настолько, что... Нет-нет, я полностью согласен с вашим предложением... Действительно, сегодня лучшей кандидатурой, чем Арап, мы не располагаем, но...

Генерал опять сделал многозначительную паузу.

– Заметьте, с Пьером Бенжамином объект осваивался не один месяц! По-вашему выходит, что за три дня общения с Арапом Пророк настолько проникнется к нему дружескими чувствами, что выдаст ему «Пакет»?

– Товарищ генерал, но они же – африканцы! Да и потом, Арап – не лыком шит. Школу милиции окончил, имеет приличный стаж оперативной работы, наконец, что немаловажно, имеет опыт общения с иностранцами, он же в УВИРе ими занимается... Его и инструктировать не надо... Дать приказ – и всё тут!

– Во-первых, приказ мы давать не можем... У Ганнибала Ганнибаловича есть свое начальство... Положим, вопрос с «соседями» из МВД мы решим... Вопрос в другом... Времени мало... Растягивать дружбу Арапа с Пророком на месяцы, как это было у него с парнем из Сьерра-Леоне, нам никто не позволит. Там, – генерал указал на потолок, – требуют немедленных результатов... Тебе не приходило в голову, что мы можем организовать катализатор?

– Катализатор?

– Ну, скажем, создать какую-нибудь нестандартную ситуацию, чтобы подтолкнуть Пророка к сближению с Арапом. Как считаешь? Вокруг «Пакета» Центр ползает уже двадцать лет... Будь наши предложения – Центру деваться некуда!

– Я свои соображения изложил в справках...

– А я *свои* изложу тебе устно! – Козлов потер руки и, остановив свой кошачий шаг, сел за стол. – Слушай! Потом составишь рапорт на мое имя, а я подпишу...

– Спасибо, товарищ генерал-майор! День рождения у меня еще не скоро...

– Ершистый ты, Казаченко... Избаловал я вас... Я свой капитал уже нажил, а тебе еще только предстоит... В общем, слушай и запоминай. А насчет подарка ко дню рождения – ты не прав. Не тебе – нашей Службе подарок.

– Если это – приказ...

– Приказ!

* * *

Слушая генерала, Казаченко был откровенно восхищен простотой и, без преувеличения, гениальной находчивостью шефа.

В октябре в Новороссийской бухте, – а Пророк должен был прийти туда 12 октября, – изрядно штормит, значит, каждое прибывающее судно, чтобы закрепиться на рейде, будет беспрепятственно передвигаться в траверзе порта, и штурман не станет отмечать на судовой карте все детали перемещений корабля. А по памяти восстановить их невозможно. Это – первое условие – залог успеха операции.

Второе. Натовской разведке было известно, что по дну Черного моря пролегает кабель стратегического назначения, идущий от Штаба Краснознаменного Черноморского флота в Севастополе до военно-морской базы в Потти. Проходит ли он через Новороссийск, в штаб-квартире Североатлантического блока, не знали. Почему бы, не используя обозначенные обстоятельства, не обвинить итальянца – «Джулио Чезаре», где первым помощником капитана как раз и служил Пророк, в повреждении стратегического кабеля при спуске якоря?! Выведение из строя средств связи государственного значения в соответствии с Гаагской конвенцией карается огромным штрафом – 100 000 долларов за каждый день дисфункции кабеля.

И последнее. Капитаны иностранных судов, виновные в повреждении стратегического кабеля, независимо от национальности, стажа работы, страны принадлежности корабля могли быть списаны на берег без выходного пособия. Нет, они не подвергались судебному преследованию, их имущество не подлежало конфискации. Но попробуй устроиться на работу в прежней должности, если ты уволен решением международной Ллойдовской страховой компании, которая и должна была компенсировать пострадавшей стороне затраты на восстановительные работы.

План генерала Козлова предполагал использование всех этих нюансов.

«Чем же занимались наши аналитики-разработчики, за что деньги получали, если один генерал додумался до всего этого?! – спрашивал себя Казаченко, слушая рассуждения Козлова. – Пофантазируй немного те, кому это по должности положено, и мы давно бы уже поставили на колени любого из натовских капитанов, чьи суда обременены “Пакетами”. Чего проще? Устрой скандал по поводу повреждения стратегического кабеля. Предъяви капитану иск. Да он ради сохранения репутации и должности почтет за счастье приползти на коленях к советской контрразведке с “Пакетом” в зубах! Ай да Леонид Иосифович! Да вам, с вашей головой, заместителем председателя давно пора быть!» – Казаченко даже тряхнул головой от нахлынувших открытий.

– А вот когда портовые службы доведут до сведения капитана и его первого помощника, то есть Пророка, всю тяжесть, якобы ими содеянного, когда они окажутся в состоянии стресса, а ты знаешь, – тут Козлов пристально посмотрел на Олега, – что делает обычно выпивоха в тупиковой ситуации... Я имею в виду пристрастие Пророка к бутылке... Как только он бросится топить свое горе по новороссийским кабакам, тут уж не зевай, выпускай твоего Арапа!

– Если б моего... Леонид Иосифович. Вы же сами говорили, что решение о его привлечении к операции будет приниматься на уровне руководства КГБ и МВД СССР...

– Ну что ж, решим!

– А может, не гоняться за объектом по местам питейным? Может, сначала организовать им встречу в здании администрации порта? Предположим, Пал Палыч, то есть, – наш Арап, является туда под видом бизнесмена... ну, и так далее...

– Механизм вывода Арапа на Пророка додумаешь сам... Это уже будет зависеть от тобой разработанной легенды прикрытия для, как ты говоришь? Пал Палыча?

– Ну да. Вообще-то он, Ганнибал Ганнибалович, но в миру – Пал Палыч.

– Ну, вот так и зашифруй новороссийским коллегам операцию: «Пал Палыч». Большого им знать не полагается. План доложить мне сегодня же. Ступай... Нет, постой! Разговор с Арапом начнешь с его отца, его увлечения русским языком, посещения Фестиваля, ну, и так далее... Закончишь тем, что из-за этого с его отцом и разделались западные спецслужбы... У тебя в справке это очень живописно подано... Согласен?

– Насчет живописи?

– Что эффекты любишь, что ершистый, – это я знал... Но чтобы еще и лесть любил... У меня сегодня день открытий в тебе, Казаченко! Запомни, я – предпензионер, а значит, – либерал... С другими так не остри... Обрежешься! Усвоил? Теперь – ступай!

Когда Олег отпирал дверь собственного кабинета, у него в ушах продолжали звучать слова шефа: «Я – предпенсионер, а значит, – либерал».

«Плохо, если старик уйдет. Да и старик ли? Что-то рано он засобирился. Может, наверху не жалуют и хода не дают? Быть того не может! Он же в фаворе у самого председателя значится! Значит, что-то другое... Но что?! А голова у шефа светлая, слов нет! Умница! Чего стоит, один лишь способ взять на крючок Пророка! До этого ведь еще никто не додумался!»

* * *

Вечером была получена санкция руководства Комитета на проведение операции «Пророк» и использование в ней капитана милиции Аношина Ганнибала Ганнибаловича.

Еще через два дня Арап был поселен на загородной конспиративной квартире по Успенскому шоссе. Согласно предложенной Казаченко легенде, руководством ГУВД Москвы до матери и сослуживцев была доведена информация, что Аношин срочно помещен в инфекционное отделение эмвэдэшного госпиталя по поводу вирусного гепатита. Диагноз и местонахождение больного исключали возможность навещать его.

Обучением Арапа на «курсах бойцов невидимого фронта» занимались бывшие нелегалы советской разведки, проработавшие много лет в африканских странах проамериканской ориентации.

Контроль за продвижением курсанта через «тернии к звездам» генерал возложил на Казаченко, который каждую пятницу приезжал на загородную явку, где в течение 2–3 часов общался с обучаемым, чтобы последний мог расслабиться и излить душу в присутствии знакомого человека.

Через месяц интенсивных занятий, во время их очередного свидания, Арап, заговорщицки подмигнув и придвинувшись к Олегу, сказал:

– Олег Юрьевич, между нами, шпионами, говоря, я в недоумении...

Казаченко насторожился. Чего стоила одна форма обращения! Если бы не обезоруживающая улыбка адепта, Олег решил бы, что Аношин перезанимался. Мало ли, – нервное истощение. Работать-то, кроме воскресений, капитану приходилось по 14–16 часов ежесуточно. Да еще в отрыве от привычной обстановки, матери и друзей. Английский язык, аутотренинг, проработка легенды прикрытия, занятия по практической психологии, инструктаж о светских манерах и т. д. и т. п.

– Говори! – невозмутимо бросил Казаченко.

– Да вы наверняка в курсе, – улыбаясь и не сводя глаз с собеседника, нараспев произнес капитан.

– Нет! – отрезал Олег.

– Видите ли, Олег Юрьевич, со следующей недели в мою учебную программу вводится еще один предмет.

Арап по-прежнему *протяжно* смотрел на подполковника.

«Черт побери, – мысленно выругался Казаченко, – зерна упали в благодатную почву. Ученик в достаточной мере овладел механизмом выведывания: ничего *конкретного* не спрашивая, недомолвками подвигает меня к раскрытию моих же собственных карт, провоцирует на произвольное речевое высказывание. То есть, меня пытается превратить в полигон только что приобретенного им оружия. Ловок, стервец!»

Оба молча смотрели друг на друга. В глазах Арапа Казаченко читал немой вопрос: «Ну как, удался мой психологический этюд?»

– Знаешь, Пал Палыч, похвально, что ты блестяще демонстрируешь усвоенные навыки психологического манипулирования собеседником. Не обижайся, но я ведь давно это уже про-

плотил и успел переварить, а переваренное, оно вошло в мою кровь и плоть. Ты же – только начал откусывать...

– Нет-нет, погоди! – Олег поднял руку, заметив, что Аношин намерен возразить. – Еще раз прошу: не обижайся. Просто знай, что я здесь еще и для того, чтобы тебе не быть всё время другим, чтобы ты мог побыть самим собой. Умей переключаться, выпускать пар из котла, выходить из роли в присутствии своих, иначе от постоянного напряжения получишь нервный срыв. Хотя, с другой стороны, оттачивать тот клинок, который ты мне сейчас продемонстрировал, вернее, не давать ему тупиться, – **надо!** Пусть непричастные, сидя перед экраном, восхищаются умением разведчика жить двойной жизнью. Они ведь не знают, что привычка к раздвоению оказывает разрушающее воздействие на человеческую душу, убивая в нем самом некоторые качества, которые являются необходимыми для нравственного здоровья человека.

Знаешь, японские регулировщики на особо загазованных улицах Токио каждые двадцать минут меняют друг друга. Сменившийся сразу же припадает к кислородной маске и двадцать минут от нее не отрывается. Так и у разведчиков: с чужими играешь роль, то есть дышишь угарным газом, – со своими же, став самим собой, – насыщаешь кровь кислородом. По-другому – хана! Сам себя перехитришь... **Всё!** Теперь говори ты – я слушаю.

– На следующей неделе, – Аношин вновь заулыбался, – мне предстоит пройти краткий курс истории КПСС и марксистско-ленинской подготовки. Лекции будет читать генерал Уткин. Возможно, будут семинары. Он сообщит дополнительно. Я, конечно, судить не берусь... Может, в вашей системе так принято. Но всего лишь месяц назад я получил диплом об окончании факультета партийного строительства в московском Университете марксизма-ленинизма. Так ли нужно через месяц начинать всё заново? Если предстоят семинары, то мне не помешали бы мои конспекты, которые у меня в сейфе на работе... Но как объяснить моим сослуживцам, что мне вдруг для лечения гепатита понадобились теоретические труды классиков марксизма-ленинизма? Разумеется, если кто-то возьмется мне их передать в больницу... В противном случае, мне придется всё, что скажет Уткин, конспектировать, готовясь к семинару...

Олег не верил своим ушам. Всё, что угодно, даже обучение искусству икебаны, даже изучение римского права, но история КПСС?! Маразм крепчает. Похоже, кто-то в руководстве Комитета решил, что коммунизм – это советская власть плюс **идиотизация** всей страны.

А почему бы не прочитать «Краткий курс ВКП(б)» в детском саду, психбольнице?

...Казаченко наслышан был о генерале Уткине. Долгое время тот был секретарем парткома КГБ СССР. Величина! А лет пять назад, уйдя в запас, начал объезжать союзные веси с лекциями о развитом социализме. Не хватало, видно, генеральской пенсии! Ну не сводил старик концы с концами, и всё тут! А так – 12 рублей за лекцию, плюс оплаченные гостиница и проезд в оба конца, плюс суточные, плюс машина с водителем, опять же при деле, на виду!

Как сказал бы генерал Козлов, Олегу был нанесен удар «ниже пейджера». Он внутренне посуровел. Наконец, мысленно одернув себя, пристально посмотрел на Аношина. Во взгляде можно было прочесть:

«Не дрейфь, мой смуглый губошлеп! Козлов, твой ангел-хранитель, в обиду уткиным тебя не даст». Вслух же произнес совсем другое:

– Ну, во-первых, не «в вашей системе», а уже в нашей... А во-вторых... Ничего не конспектировать... Перевяжешь руку... Порезался... На кухне!

* * *

Зная обыкновение шефа работать по субботам – не отвлекают звонки, доклады, не вызывает руководство, – Казаченко утром следующего после общения с Арапом дня вошел в приемную генерала. Переступив порог кабинета, застал Козлова над ворохом бумаг.

Генерал оценивающе взглянул на подчиненного. Неожиданное появление без вызова и предварительного согласования по телефону свидетельствовало о необходимости безотлагательного принятия им, начальником, какого-то серьезного решения. Второстепенные по значимости и обстоятельствам решения подчиненные Козлова умели принимать сами. Поэтому генерал, после взаимных приветствий, лишь кивнул головой на стул.

Не дослушав до конца доклад Казаченко о нелепости введения в курс обучения Арапа дополнительной спецдисциплины, генерал поднял руку.

– Я в курсе. Лекции и семинары по «Краткому курсу ВКП(б) – КПСС» я отменил. Арапу будет рекомендовано ознакомиться со сборником речей Генерального секретаря...

Козлов явно был не в духе. В таком случае вопросы ему лучше было не задавать. И всё же...

Казаченко пошел от противного. Полагаясь на свою интуицию, рискнул:

– Леонид Иосифович, но ведь в изначально утвержденной вами программе...

– Знаю. Но время-то идет. Происходят разные события. Полагаю, что скоро предстоит введение политзанятий и в нашей среде...

– Съезда вроде никакого не проходило, – как бы рассуждая с самим собой, подлил масла в огонь Олег.

– Ты вот что... – Козлов потер переносицу. – Кончай меня «прокачивать»! Не стажер перед тобой...

Казаченко понял, что преступил дозволенную грань, более того, схвачен за руку при попытке переиграть шефа и сейчас будет вежливо удален из кабинета. Ошибся.

– В понедельник огласят приказ... В Японии заместитель резидента ушел... Но до приказа ты от меня ничего не слышал, а я тебе ничего не говорил!

Последнее было сказано, скорее, для самоуспокоения.

– Левченко?! – только и вырвалось у Олега.

– Левченко. По отцу. А по матушке – Эстеррайхер.

Из последующего рассказа Козлова следовало, что генерал Левченко из Первого Дома в свое время скрыл от кадров одну пикантную деталь своей личной жизни, что был женат на еврейке Музе Эстеррайхер, от которой имел сына Аркадия. Расставшись с женой более двадцати лет назад, когда мальчику еще не было десяти, генералу, в ту пору еще не служившему в органах, удалось мытьем и катаньем оставить мальчика при себе. Женившись вторично, он во всех анкетах указывал новую жену как мать Аркадия. Служебное расследование выявило, что Муза Эстеррайхер до отъезда на постоянное место жительства в США в 1967 году регулярно общалась с сыном, а уехав, поддерживала с ним переписку, используя адрес общих знакомых. Общение было достаточно плотным.

«А каким оно еще может быть между любящими друг друга людьми?» – подумалось Казаченко.

Мальчик – впоследствии офицер внешней разведки СССР Аркадий Левченко – всецело находился под влиянием матери. Он даже проживал подолгу у нее. К отцу он перебирался, когда необходимость его присутствия в доме Левченко-старшего диктовали обстоятельства. Например, когда он оформлялся в органы КГБ, когда его направляли во внешнюю разведку и т. п. Так сложилось, что сызмальства Аркадий был приучен жить двойной жизнью. Но не его в

том была вина. Основной груз вины и ответственности одновременно лежал на Левченко-старшем.

С отъездом за рубеж первой жены Левченко-старший успокоился. Сигнал тревоги прозвучал, когда он однажды в письменном столе сына обнаружил открытку из США. Аркадий в то время уже был в системе Комитета.

Объяснение с сыном было бурным. Нет-нет, открытка не была прислана на адрес семьи Левченко. Даже в письме Муза обращалась к сыну, называя его Ароном. Действительно, по адресу, куда поступали письма от Эстеррайхер, проживал некто Арон Трахтенберг. Эти детали свидетельствовали о заранее разработанной системе условностей, призванной скрыть от контрразведки истинные лица отправителя и получателя, как и сами почтовые контакты между ними.

О факте обнаружения почтового отправления Левченко-старший в кадры Комитета не доложил. Промолчал он и тогда, когда сына направляли в длительную командировку в одну из натовских стран Западной Европы. Промолчал, потому что решался вопрос: быть ли ему, полковнику Левченко, генералом. Его молчание тогда обернулось для него золотом генеральских погон. Теперь вернется военным трибуналом.

Добравшись – не без стараний отца – до должности заместителя резидента в Японии, Аркадий Левченко ушел не к японцам – к американцам. Разумеется, не без обработки и помощи матери.

– Ну а бороться с этим злом – предательством – можно только усилением политико-воспитательной работы в среде оперативного и руководящего состава Комитета... Марксистско-ленинское учение, оно, брат, не догма – *панацея!* – в тоне Козлова, как ни странно, не прозвучало ни нотки сарказма – только патетическое благоговение. Сарказм подразумевался.

– Так что уж говорить об Арапе? – продолжал Козлов. – Краем крыла и его достали... Ну ничего... Схлынет и эта волна! Знаешь, что горько? – Генерал брякнул кулаком о крышку стола. – То, что у нас контрразведывательной *системы* противодействия устремлениям противника нет. Сплошная кампанейщина... А была бы система...

– Так, – генерал вдруг заторопился, – если ко мне больше ничего нет, то ступай! А «Сборник речей» пусть Аношин все же полистает, устал уж небось от вестернов да эротики по виду... – Козлов махнул рукой и углубился в чтение очередной бумаги под грифом «Сов. секретно».

Глава одиннадцатая. Феномен предательства

Предатели

Покинув кабинет шефа, Казаченко, под впечатлением его откровений, безотчетно направился в свой рабочий кабинет.

«Эти события требуют дополнительного осмысления», – сказал себе Олег, зажигая первую в то утро сигарету.

Уход Левченко напомнил Олегу о событиях трехлетней давности. Во время обучения на курсах руководящего состава в Высшей школе КГБ он дерзнул выступить с инициативой и в качестве дипломной работы решил представить аттестационной комиссии исследование о причинах и побудительных мотивах совершения сотрудниками советских спецслужб преступления «измена Родине».

Основной трудностью, как оказалось, были не дефицит материалов и не получение допуска к совершенно секретным документам служебных расследований и стенограммам заседаний Коллегии военного трибунала. Камнем преткновения оказался подбор кандидатуры научного руководителя. Никто из преподавателей Вышки, даже ценивших прилежание и искренность Казаченко, не решился выступить не то что научным руководителем, но даже рецензентом. Зато все опрошенные изъявили готовность идти с Олегом до конца в качестве... оппонентов.

Зла на преподавателей, отказавших в поддержке, Олег не держал, объяснив их застрахованный героизм гипертрофированным инстинктом самосохранения. Мало ли, как посмотрит на предполагаемое исследование высшее руководство Комитета! Тут и до костра инквизиции – один шаг. Уж лучше двигаться неспешно по накатанной лыжне, чем вмиг стать опальным первооткрывателем.

Вопреки всеобщему неприятию, Олег начал работу над избранной темой на свой страх и риск, не прекращая поисков смельчака-единомышленника. Нашел его в лице отставника-чекиста, «обремененного» докторской степенью.

Дедушку – так с благодарностью за смелость стать научным руководителем дипломной работы называл его Олег – часто приглашали читать лекции молодой начальственной поросли, обучавшейся в Вышке. Допуск к совершенно секретным материалам Дедушка имел, так что и в этом плане с ним всё было в порядке.

В первой же беседе Дедушка взял быка за рога, предложив превратить исследование в некое сочинение на вольную тему с выводами и гипотезами контрразведывательной направленности. А для притупления разоблачительного острия исследования он рекомендовал не фокусировать внимание на социальном базисе, как на питательной среде предательства. Хотя, надо отдать ему должное, он признавал правоту кавказской мудрости, гласившей, что «змеи потому и кривы, что кривы те дыры и щели, сквозь которые им приходится пролезать». По мнению Дедушки, исследование должно было зиждиться на анализе особенностей психологии и личностных качеств перебежчиков.

Казаченко сначала воспротивился предложению, заявив:

«А не считаете ли Вы, что проживание Пеньковского с женой, двумя малолетними детьми и больной матерью в двух смежных комнатах квартиры, с общей площадью около 40 метров, также можно рассматривать как одну из причин его предательства?»

Дедушка возразил:

«Мой юный друг, Вы переставляете составные звенья причинно-следственной связи. Да, жилищные условия семьи Пеньковского были малоудовлетворительны, а невозможность их

улучшить сыграла свою, но далеко не доминирующую роль. Основное, полагаю, в другом – в неумном тщеславии, безмерном честолюбии, некритичной оценке собственных достижений, а отсюда – односторонний подход к результатам и успехам своих коллег. У лиц, подобных Пеньковскому, развито самовнушение. Он внушил себе, что является невостребованным гением».

После долгих дискуссий Дедушке удалось настоять на том, чтобы лишь вскользь провести в дипломной работе исследование социальной основы предательства, сосредоточив усилия на изучении особенностей психологии отступников. Составленным планом предполагались ссылки на исторические (вымышленные и реальные) персонажи. Под предлогом расширения границ дипломной работы Дедушка сумел убедить Олега отойти от разбора причин измены Родине конкретными советскими спецслужбистами, подвергнув исследованию феномен предательства как таковой в масштабах всемирной истории.

По прошествии лет у Олега иногда возникали подозрения, а не подставили ли ему Дедушку руководители Высшей школы КГБ, чтобы направить его творческий поиск в нужном для себя русле. Но так как доказательная база и возможности перепроверить искренность намерений научного руководителя отсутствовали, то Казаченко запретил самому себе поддаваться сомнениям. Действовал ли Дедушка по инициативе невыясненных режиссеров, или его искренность была самоиницированной – какая, в конце концов, разница – ведь защита прошла блестяще, хотя и не вся аргументация научной работы была бесспорна и убедительна даже для самого автора – в то время еще капитана – Олега Юрьевича Казаченко.

Подбор литературы и засекреченных материалов для исследования Дедушка взял на себя. Он же составил и предисловие, пафос которого должен был внушить любому сомневающемуся уверенность в правоте сделанных автором выводов:

«После того как Иуда предал Иисуса, предательства совершаются повседневно: по отношению к родителям, друзьям, религиозным общинам, национальным интересам, политическим партиям, государствам. В настоящем исследовании автор приходит к выводу, что люди руководствуются при этом не обязательно низменными целями и побуждениями. Очень часто предательство – это выход из внутренних противоречий, в которые попадает сложная личность, а в некоторых случаях и попытка отвратить большее зло от себя и своих близких. Но даже если человека толкают на путь предательства ненависть, зависть или ревность, никогда нельзя объективно объяснить вероломный поступок, исходя лишь из моральных категорий. Нужно учитывать условия, в которых он был совершен».

Это вступление скорее было лишь уступкой Олегу, чем программным тезисом работы.

Память Казаченко возвращала его в прошлое, подсказывала целые абзацы из дипломной работы. Сегодня собственные выводы в проведенном исследовании казались Олегу если не наивными, то, по крайней мере, не актуальными.

По настоянию Дедушки целую главу пришлось посвятить разбору предательского поведения, да что там поведения – целой жизни «отца атомной бомбы» Роберта Оппенгеймера, чей пример был в чем-то даже классическим. Технические и моральные причины заставили его высказаться против создания водородного оружия, за что его обвинили в нелояльности и в 1954 году судили.

«Кого же он предал?» – задавал риторический вопрос Казаченко, и сам же в своем исследовании на него и отвечал.

Оппенгеймер был гражданином США, евреем, либералом и состоял в дружбе с американскими коммунистами. Но, кроме того, он руководил группой физиков, математиков и техников, работавших над созданием самого разрушительного тогда средства массового уничтожения, и в данном качестве был также представителем американских вооруженных сил.

Олег в своей работе отметил, по крайней мере, семь несовместимых или трудно совместимых комплексов групповых интересов, верность которым обязан был соблюдать Оппенгей-

мер. И пришел к выводу, что почти всё, что говорил или делал ученый, было предательством по отношению к одной из этих групп.

Особый восторг у Дедушки вызвали два умозаключения дипломника, касавшиеся двух библейских событий. Следуя абстрактной логике, Олег неожиданно для себя сделал вывод, что Иисус, чтобы сбылось предсказание пророков, сам побудил Иуду совершить «священное предательство». Поэтому Иуда – делал заключение Казаченко – и не пытался его скрыть, что обычно делают предатели. В той же главе Олег выдвигал и новую версию поступка Каина: убив брата, он не предал его, а лишь принес кровавую жертву Богу. Дедушка, выслушав своего подопечного, заявил, что о «декорациях» предстоящей сенсационной защиты диплома он позаботится лично.

Действительно, доктор военных наук сумел ловко подобрать состав экзаменационной комиссии, предварительно их заинтриговал, создав в итоге благоприятный фон для выступления Олега.

Известно, что «тот, кто объявляет кого-то Богом, рассчитывает стать, по крайней мере, пророком». Следовал этому постулату и Дедушка.

Сумев внушить членам экзаменационной комиссии, что Казаченко – восходящая звезда на небосклоне контрразведывательной науки, Дедушка правильно рассчитал, что отблески славы и успеха Олега отразятся и на нем самом. Как-никак он – руководитель дипломной работы. Проценты с вложенного в исследование труда получил не Казаченко – Дедушка.

Любопытный для присутствующих на защите вывод сделал Казаченко. Рассматривая с морально-этических позиций предательство «кембриджского квинтета» – Кима Филби, Гая Берджеса, Дональда Маклина, Энтони Бланта и Джона Кернкросса – которые, трудились одновременно и на британскую корону, и на Серп и Молот, то есть, осуждая политику своего правительства, предавали свою страну, снабжали информацией КГБ.

Казаченко доказал, что их предательство – суть попытка выхода из противоречий, которое может быть объяснимо лишь идеалистическими мотивами. К такой разновидности предательства – и этот вывод вытекал из исследования Казаченко – склонны, как правило, люди, обладающие высоким интеллектом и придерживающиеся строгой морали. При этом они руководствуются не эмоциями, а идеалами. Групповое предательство «великолепного квинтета» Олег объяснил не ренегатством, ибо корни его таились в политической атмосфере, царившей в Великобритании в промежутке между двумя мировыми войнами. Британские левые интеллигенты – отмечал Казаченко – вынуждены были искать непроторенные пути несогласия с политической системой. Тут-то им и подвернулась возможность сотрудничать с Коминтерном, который использовался советской разведкой в качестве прикрытия...

Когда работа над дипломом уже близилась к завершению, Олег неожиданно для себя сделал ошеломившее его открытие: основное внимание научного труда было сосредоточено на идеалистической, но никак не материальной основе предательства. Об измене Родине наших сотрудников говорилось как-то вскользь, мимоходом. А об *условиях* – ни-ни. Даже в случае с английским «Квинтетом» это слово было по рекомендации Дедушки заменено на туманно-абстрактное «атмосфера».

«Как же так – горячился Казаченко – ведь мудрый Уинстон Черчилль говорил: “We make forms, and forms make us”, что в переводе означает: “Мы создаем условия, а условия, в свою очередь, создают нас”».

Вновь и вновь неугомный адепт пытался склонить Дедушку исследовать конкретные факты предательства, ссылаясь на примеры из личного опыта, настаивал, чтобы ими (хотя бы!) проиллюстрировать воздействие *условий* среды обитания будущих изменников на принятие ими рокового решения.

Взять хотя бы бегство сослуживца Олега, капитана Удальцова. Из-за неурядиц в личной жизни (два неудачных брака – два развода) ему не присваивали очередного звания, не давали

квартиры. Несмотря на то что Удальцов по своему интеллекту, – а он имел два диплома об окончании высших учебных заведений, свободно владел двумя иностранными языками и по результатам работы опережал своих коллег, – его, к вящему сожалению, продолжали держать в «черном теле». Окружающие его сотрудники росли в должностях и в званиях – он оставался простым опером о четырех малых звездах на погонах – капитаном. Его бросали во все прорывы: на обыски, допросы, привлекали к составлению годовых отчетов за весь отдел, причем не в качестве «пристяжного», но «коренного». Он был одним из лучших разработчиков, преуспел в добывании и оценке оперативно значимой информации, так как имел надежные источники информации и проверенные каналы ее поступления. Всё впустую. На оперативных совещаниях начальство просто не упоминало о размере вклада Удальцова в общую копилку отдела. Зато на партсобраниях он неизменно «лидировал», выступая в роли «мальчика для бития».

Доброжелатели из партбюро подвергали препарированию каждое новое знакомство Удальцова с представительницами прекрасного пола. Хочет человек устроить свою личную жизнь – знакомится. Ищет. Ну, ошибается – не распутствует же! Не потребуешь же на первом свидании от каждой новой подружки характеристики, заверенной парткомом, месткомом, домкомом и прочими «омами», оно ведь – свидание, – в таком случае из первого может легко стать и последним. Ан нет! Шалишь! «Облико морале гомо советикуса», тем более «гомо кагэбэтикуса», должно быть на высоком уровне. А кто его, этот уровень, эту планку установил? Правильно: партбюро. А тот факт, что секретарь был от рождения импотентом и, как следствие, женоненавистником, а еще двое его подельников-партайгеноссе – бытовыми алкоголиками, то кому до этого дело. Избрали – и с плеч долой!

Удальцов ушел через нашу границу вызывающе дерзко, демонстративно, на глазах у десятков пограничников. Ушел там, где, казалось бы, и пескарь не проскочит.

Находясь в очередном отпуске в Батуми, он бросился в леденящее ноябрьское море и одним броском – благо мастер спорта по плаванию, – достиг отходившего от причала турецкого танкера. По выбираемой из воды якорной цепи взобрался на палубу и был таков. Пока пришли в себя те, кому положено, пока снарядили сторожевой катер – танкер с Удальцовым на борту входил уже в турецкую акваторию Черного моря.

Через некоторое время из приказа по Комитету личный состав Управления, где служил беглец, узнал, что турки передали его американцам. Работать на ЦРУ Удальцов отказался, что, впрочем, не помешало Военному трибуналу приговорить его заочно к высшей мере наказания – расстрелу. В дальнейшем Олегу от вернувшихся из Штатов сослуживцев стало известно, что Удальцов преуспел в игорном бизнесе, контролируя 20 % казино во Флориде.

Партбюро и из этой свинской ситуации сумело вырезать кусочек ветчины для себя, обратив бегство Удальцова себе же на пользу.

Бытовики-алкоголики (к тому времени уже с подшитыми антиалкогольными «торпедами») с евнухом-запевалой хором завопили:

«Интуиция нас не подводила. Мы знали, что этим кончится!»

Сумев, таким образом, даже этот позорный для Управления факт, записать себе в актив. Вор потому и кричит громче всех «держи вора!», чтобы отвести от себя удар. А то, что эти горе-стражи чистоты партийных рядов сами же, возможно, и подтолкнули Удальцова к краю пирса, так кому досуг в этом разбираться? Наверх ушла докладная по итогам служебного расследования, клеймящая Удальцова как «полового гангстера» и «разложившегося под влиянием Запада отщепенца».

Дедушка, выслушав доводы Олега об условиях, подтолкнувших Удальцова переметнуться «по ту сторону баррикады», задумчиво изрек:

«Следствие окончено – забудьте». Добавил: «Нетипично!»

«Ну а с Пеньковским? – вспыхнул Казаченко. – Кавалером пяти боевых орденов и десятка медалей, фронтовиком, полковником в тридцать один год, что? Тоже нетипично? Да, если бы

ему в срок присвоили звание генерала, а я убежден, – настаивал Олег, – что он того заслуживал по своим деловым качествам, разве он разверз бы объятия американцам и англичанам, разве инициативно предложил бы свои услуги противнику?!»

Дедушка выждал, пока подопечный выдохнется, затем в своей доброжелательной манере снисходительно произнес:

«Дался тебе этот Пеньковский... Ты его оцениваешь только по **деловым** качествам, сбрасывая со счетов личностные. А я ведь знавал его, говорил с ним глаза в глаза, как вот сейчас с тобой... Пренеприятнейший был тип. Человек-авария. Интриган. Генератор конфликтов в коллективе. Если он появлялся в каком-то обществе, последнее обречено было распасться со скандалом. Причем Пеньковский всегда умел выйти сухим из воды... А ты говоришь, “деловые качества”... Нет, надо исходить из личности...»

Вот, к примеру, возьмем тезисы из лекций генерала Дроздова, начальника Управления “С” (подготовка разведчиков-нелегалов). В них изложены признаки другой разновидности предателей, так называемых агентов влияния. Слыхал о таких?»

«Нет...»

«Тогда послушай!»

Агенты влияния

«Сегодня уже никто не сомневается в том, что как бы ни были совершенны технические и радиоэлектронные средства, используемые спецслужбами, они никогда не смогут заменить специфического орудия борьбы за главенство в той или иной области сегодняшнего мироустройства – секретных агентов. Особое значение всеми разведками мира придается работе с так называемой агентурой влияния, которая на профессиональном слэнге называется еще *особо оберегаемыми источниками*. Они – золотой фонд спецслужбы любой державы. С помощью агентов влияния можно формировать не только политику в их собственных странах, но и воздействовать на геополитические процессы – ведь все они имеют союзников, которые прислушиваются к их мнению. Наконец, они и их союзники обладают голосом в ООН, а это – уже целый хор, которым-то и дирижирует спецслужба той страны, на чьем обеспечении находятся агенты...»

Кто же может стать особо оберегаемым источником? Из кого создается аппарат агентуры влияния?

На первый взгляд, ответ кажется простым и ясным – из ближайшего окружения первых лиц государства, то есть из их советников, министров, политиков, государственных и общественных деятелей, словом, из людей, занимающих высшие ступени на государственной иерархической лестнице, с мнением которых считаются премьер-министр и президент.

Однако простота эта иллюзорна, ибо пройдут годы, пока кандидат в агенты влияния станет полноценным источником той или иной спецслужбы...»

Дедушка откашлялся и продолжал:

«Как-то при мне Дроздов огласил одно высказывание. С его слов, ему однажды довелось присутствовать на ужине, устроенном в честь группы бывших сотрудников ЦРУ, посетивших Москву “с дружеским визитом”.

Один американец, изрядно набравшись на дармовщину русской водки, бросил неосторожную фразу:

“Вы хорошие парни, русские. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы по праву можете гордиться... Даже ваши поражения демонстрировали мощь вашей разведки... Но пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру влияния имели ЦРУ и Госдеп (министерство иностранных дел США) у вас на самом верху!”

Вслед за этой фразой, по словам Дроздова, ему многое стало ясно. Его профессиональная память буквально “выстреливала” различные события, документы, принятые руководством СССР, имена, которые выстраивались в одну цепочку.

“Может быть, именно в этой фразе американца, – сделал для себя вывод генерал, – и кроется разгадка, почему Горбачёв, обладая максимумом достоверной информации о намерениях Вашингтона в отношении Советского Союза, пренебрег заветами Андропова, поддался чужому влиянию, потерял управление страной, свой первоначальный авторитет и не смог противостоять разрушению страны...”

К отбору кандидатов в агенты влияния спецслужбы относятся с большей ответственностью и осторожностью, нежели к поиску возможного источника информации из числа других категорий иностранцев.

Когда проводится вербовка рядового гражданина, оперативник обязан раскрыть ему цель объяснить, зачем он привлекается к секретному сотрудничеству.

Совсем по-другому обстоит дело с агентами влияния. Их не вербуют в классическом, традиционном понимании этого слова – у них не отбирается подписка, с ними не проводятся встречи на явочных квартирах, наконец, им не выплачивается вознаграждение за успешное выполнение разового задания. Агентуру влияния подбирают в течение длительного срока, строго конспиративно, а конечная цель вербовки должна быть от них скрыта *безусловно*.

Потенциальные особо оберегаемые источники – политики, общественные или государственные деятели, завоевываются, а затем терпеливо и ненавязчиво выпестовываются. Только в результате длительной и кропотливой работы с отобранным спецслужбой объектом появляется возможность считать его агентом влияния, а последний и не догадывается, что занесен какой-то иностранной спецслужбой в файл особо оберегаемых источников.

На профессиональном слэнге это называется использовать подходящий объект “втемную”.

Особо оберегаемый источник подпитывается бесперебойно, независимо от того, сколько времени он работал на ниве шпионажа.

Спецслужбы настолько поднаторели в выборе способов материального вознаграждения агентуры влияния, что всех форм поощрения перечислить не представляется возможным. Все зависит и от объективных условий, в которых живет и действует особо оберегаемый источник, и от изощренности воображения его куратора, и еще от многих других факторов.

К традиционным способам материального вознаграждения относятся выплаты в твердой валюте непомерно больших гонораров за якобы изданные за рубежом миллионными тиражами трудов особо оберегаемого источника, или приглашение его прочесть серию лекций в каком-нибудь иностранном университете.

Плата за чтение таких лекций во много раз превышает ту, которую получила бы местная профессура, разглагольствуя она перед аудиторией на ту же самую тему. Ну а по окончании “преподавательской деятельности” следует, как правило, бесплатный отдых агента влияния и членов его семьи на каких-нибудь экзотических островах...

И, надо сказать, овчинка стоит выделки, ибо отдача от агентов влияния колоссальная.

Это и принятие Госдумой законов по инициативе имеющейся там агентуры влияния или одобрение правительством РФ, – чьи министры также принадлежат к числу агентов влияния, – тех или иных проектов, которые, на первый взгляд, должны были бы пойти на пользу России, а на самом деле создают режим наибольшего благоприятствования той стране, которая их курирует.

Это и заключение межгосударственных сделок, которые на поверку оказываются выгодными лишь одной стороне, но только не российской, да мало ли...

Кстати, во времена Горбачёва очень активно “играл” в пользу наших противников его министр иностранных дел, за свою дьявольскую изворотливость прозванный западными политиками “Седой Лис”.

Что ни удар – всё в наши ворота!

Скоропалительный вывод, а скорее, бегство российских войск из стран Восточной Европы – это его заслуга. В течение каких-то шести месяцев более пятисот тысяч солдат и офицеров, десятки тысяч танков, самолетов, орудий были буквально выброшены из-за границы в Россию, в чистое поле. Целые войсковые подразделения и до сих пор проживают в палатках...

Канадцы, к примеру, лишь одну свою общевойсковую бригаду, насчитывавшую 3 тысячи военнослужащих, выводили из Западной Германии целых *восемнадцать* месяцев!

Западным политикам известно, во сколько миллиардов долларов обошелся российской казне этот позорный для нас “*Drang nach Osten*”. От нашей общественности правительство Горбачёва эти цифры скрыло, сославшись на пресловутую “государственную тайну”.

Эрих Хонеккер, бывший глава ГДР, который знал очень многое, незадолго до смерти прямо указывал на предательство Шеварднадзе. На основе конкретных документов он обвинял Горбачёва и Шеварднадзе в том, что “обновление ГДР”, закончившееся её присоединением к ФРГ, было запрограммировано в Вашингтоне в результате закулисных переговоров Горбачёва и Шеварднадзе с руководством США еще на “заре перестройки”.

“Шеварднадзе, как и позднее господин Козырев, – писал Хонеккер, – приложили немало стараний, чтобы Россия утратила самостоятельность на международной арене и по всем ключевым вопросам выступала бы как послушный сателлит Соединенных Штатов...”

По неподтвержденным данным, почерпнутым из западной прессы, за свою “подвижническую” деятельность Седой Лис якобы получил в подарок от Союза промышленников Германии роскошный трехэтажный особняк в элитном районе Парижа.

Однако все западные политики уверены в том, что этот дом-дворец – всего лишь верхушка айсберга, тогда как основные комиссионные, полученные Лисом, находятся за бронированными дверями самых надежных банков Северной Америки и Западной Европы...

А в какую копеечку обошлось России предоставление Седым Лисом американцам права на сверхльготных условиях вести разработку шельфа Берингова пролива, богатого залежами высококачественной нефти и ценнейшими породами рыбы?! Этого никто не знает, ибо делалось все келейно и опять под предлогом “сохранения государственной тайны”.

Во времена перестройки с экранов телевизоров и с полос газет не сходили разглагольствования целой плеяды “новых политиков”, чьи имена сегодня связаны с разрушительными для Советского Союза тенденциями. Это – Елена Боннэр, Галина Старовойтова, Валерия Новодворская, просвещавшие общество, как перейти “от стадии гниения империи к стадии ее цивилизованного демонтажа”. На доступном языке это означало, что на карте СССР должны были появиться 15 или 20 суверенных государств.

Лишь приход к власти вечно хмельного псевдодемократа Ельцина помешал ФСБ собрать доказательную базу, что все перечисленные лица являются особо оберегаемыми источниками ЦРУ.

В то же время Яковлев, Шеварднадзе, Вадим Медведев (все обоснованно подозревались спецслужбами России в сотрудничестве с ЦРУ в качестве агентов влияния) с пеной у рта уверяли, что такого рода сепаратистские настроения якобы никакой угрозы не представляют.

Время показало, что позиция этих деятелей как раз-то и способствовала развалу СССР...

Чтобы у тебя, Олег Юрьевич, не сложилось ложного представления о том, что агенты влияния из числа политических и государственных деятелей имеются в арсенале только иностранных разведок, достаточно привести два примера.

Некоторые факты из политической биографии печальной памяти Бокассы-1, самодержца Центральноафриканской империи, указывают на то, что он, находясь у власти, возможно, был нашим особо оберегаемым источником.

Все, безусловно, помнят, с какой помпой в СССР отмечались юбилеи Великой Октябрьской социалистической революции.

Руководители всех стран социалистического лагеря готовы были выпрыгнуть из штанов, чтобы доказать свою приверженность идеалам социализма и показать, как они чтят наш юбилей. По их указанию выпускалась масса агитационного материала: книги, значки, плакаты и т. д.

Так вот, единственной капиталистической страной, которая приняла участие в пропагандистском марафоне, посвященном 60-летию ВОСР, была – кто бы ты думал? – Центральноафриканская империя!

По велению Бокассы-1 были отпечатаны тысячи и тысячи почтовых марок, прославляющих завоевания Октября. Марки были рассредоточены в филателистических магазинах и газетных киосках всей Западной Европы. Разумеется, такая акция вызвала бурю негодования прежде всего в администрации Соединенных Штатов – нашего главного идеологического противника. Но, увы, дело сделано, маховики пропагандистской машины уже были раскручены на полную мощность!

Кроме того, мы с помощью императора получили точные места дислокации французских военных баз на африканском континенте, наконец, карту урановых рудников...

Кстати, многие руководители центрального аппарата КГБ знают, что посол Франции в Москве также был нашим агентом влияния... Хотя, для того чтобы сделать из него особо оберегаемого источника, пришлось провести многоходовую операцию, составные части которой, на мой взгляд, не всегда были оправданы с моральной точки зрения... Ну да после драки кулаками не машут, а победителей, как говорится, не судят. В общем, слушай и мотай на ус...

Известно, что громкие скандалы о провале какой-либо разведки свидетельствуют, прежде всего, о глубине ее проникновения в секреты противоборствующей державы. Как говаривал “Моцарт разведки” Аллен Даллес: “Об успешных операциях спецслужбы помалкивают, а их провалы говорят сами за себя”.

Скандалы в Англии сначала вокруг имени Кима Филби, а затем и остальных членов “кембриджского квинтета”, или в ФРГ вокруг имени Гюнтера Гийома, советника канцлера Вилли Брандта, да еще к тому же – казначея его партии, говорили о том, что советская разведка умела забраться в иноземный ларец за семью печатями.

Тот факт, что советская внешняя разведка не имела грандиозных скандальных провалов во Франции, вовсе не доказательство неуязвимости ее секретов или отсутствия к ним интереса со стороны советских спецслужб.

Франция никогда не была для КГБ и ГРУ объектом второстепенных разведывательных устремлений.

Франция, пятая держава мира, и вдруг – на втором плане геополитических и разведывательных интересов СССР?! Такого быть не могло, потому что быть не могло *никогда!*

Не кто иной, как советская контрразведка (именно контрразведка, а не разведка!) в середине 1950-х годов с успехом использовала стремление генерала де Голля во время его “второго пришествия во власть” к независимости от держав Западной Европы, прежде всего от Англии.

Соответствующие службы СССР использовали эту потребность президента к независимости настолько эффективно, что возвели между ним и НАТО стену отчуждения и, в конце концов, на целое десятилетие, пока находился у власти генерал де Голль, ослабили Атлантический альянс.

Под непосредственным руководством и при личном участии начальника Второго главка (центральный контрразведывательный орган КГБ СССР), одного из самых ловких “рыцарей

плаща и кинжала” всех спецслужб мира, генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова, был завербован посол Франции в Москве мсье Морис Дежан.

Разумеется, подписку о секретном сотрудничестве у посла не отбирали и в торжественной обстановке оперативного псевдонима ему не присваивали.

Явок, в классическом понятии этого слова, то есть где-нибудь на конспиративных квартирах, с ним не проводилось.

Обучение технике пересъемки секретных документов на краткосрочных оперативных курсах без отрыва от производства он не проходил.

Денег в конвертах за свои услуги он не получал и, тем не менее, советским агентом посол являлся.

Морис Дежан, как сейчас принято в среде профессионалов называть негласных помощников такого уровня, был *агентом влияния*.

В современной практике всех спецслужб мира агентура влияния не вербует, она приобретает, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, даже услужливо.

Всё это делается строго конспиративно, чтобы объект вожделий конкретной спецслужбы ничего не заподозрил.

Еще более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций.

Сегодня агентов влияния приглашают на различные международные конференции, заседания обществ дружбы с различными странами, где их выступления-лекции оплачиваются по самым высоким расценкам, им предоставляется возможность опубликовать свои статьи и даже книги в зарубежных издательствах и т. д., но грубый прямой подкуп не допускается ни в коем случае.

Работа по Морису Дежану, история которой на сегодняшний день насчитывает пятидесятипятителетний юбилей, конечно, велась не так изошренно, как если бы ее проводили сейчас. Но она была таки проведена, а посол влиял, да еще как!

Например, на принятие президентом де Голлем решений по многим внешнеполитическим вопросам, прежде всего, по вопросам участия Франции в НАТО.

Не без рекомендаций Дежана де Голь вывел свою страну из Атлантического альянса, определив в нем присутствие Франции лишь в роли наблюдателя.

Смена внешнеполитического курса деголлевской Франции по отношению к ее партнерам по НАТО была огромной победой СССР, весомый вклад в которую сделал Морис Дежан.

Планируя вербовку Дежана в качестве агента влияния, советская контрразведка учитывала не только деловые качества французского дипломата, но и его долгую дружбу с де Голлем, которая началась еще во времена Второй мировой войны, когда оба они были участниками движения Сопротивления. Президент Франции с вниманием относился к точке зрения своего соратника и очень дорожил его мнением по самым различным вопросам международной политики.

Справедливости ради надо сказать, что были и другие фигуры из числа высокопоставленных французских дипломатов, сотрудников посольства в Москве, которые рассматривались КГБ в качестве потенциальных кандидатов на вербовку, но их предложения и советы по поводу политики Франции в отношении СССР и НАТО не имели такого влияния на формирование мнения французского президента, как это было в случае с Дежаном.

О том, что отношение де Голя к проштрафившемуся дипломату до конца его жизни оставалось лояльным, может свидетельствовать тот факт, что Дежан не подвергся никаким санкциям, просто был отправлен в отставку, став одним из руководителей ассоциации “Франция – СССР”, где проявил себя активным сторонником улучшения взаимоотношений между двумя странами.

Параллельно, будучи назначенным генеральным директором небольшого завода по производству часов “Слава” в г. Безансон, он выступал за развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом.

Умер Морис Дежан в Париже 14 января 1982 года в возрасте 82 лет.

В некрологе, опубликованном в газете “Монд”, коллега Дежана, посол Эрве Альфан, отдал последнюю дань уважения его памяти, особо отметив его замечательную политическую прозорливость. Статья заканчивалась следующими словами: “...затем он был в течение восьми лет послом в Москве, где, по выражению генерала де Голля, “достойно и с честью представлял интересы Франции”.

Таким образом, есть основание утверждать, что Морис Дежан был полностью реабилитирован в глазах общественного мнения Франции... Ну, как тебе материалчик к твоему реферату?»

Дедушка хитро подмигнул Олегу, который от услышанного потерял дар речи.

«Н-да... – только и сумел выдать из себя Казаченко. – Впечатляет!»

«Так вот, Олег Юрьевич, чтобы закончить с этой темой, в заключение скажу лишь, что, несмотря на общее потепление атмосферы международной обстановки, тайная война разведок вышла на качественно новый виток. Приобретение агентуры влияния продолжает оставаться на повестке дня всех держав, заботящихся не только о собственной безопасности, но и пытающихся подобраться к чужим секретам, в основном – к нашим, российским.

В подтверждение этого тезиса некоторые аналитики из наших бывших компетентных органов отмечают расширение круга лиц, среди которых спецслужбы, как Запада, так и Востока, ищут кандидатов в особо оберегаемые источники, но уже не из традиционных категорий объектов – государственных и общественных деятелей.

Кроме политиков, общественных и государственных деятелей сегодня они проявляют пристальный интерес к российским капитанам индустрии, ближайшему окружению руководителей наших естественных монополий и к отечественным олигархам...»

Глава двенадцатая. Доктор Владимир Львович

– Буду предельно откровенен с вами, почтеннейший, – начал свою вступительную речь Владимир Львович. – А чтобы убедить вас в том, что абсолютная конфиденциальность и анонимность прохождения вами в этих стенах необходимого курса лечения и реабилитации гарантируется полностью и даже с процентами, не называйте мне своего имени-отчества. Меня также не интересует род ваших занятий. Мне достаточно того, что вы знакомы с моей старинной подругой и деловым партнером Ланочкой, которая пользуется моим безграничным доверием, по чьей рекомендации вы здесь и по просьбе которой я готов уделить вам внимание соразмерно тяжести вашего казуса, а также объему накопленных мною знаний и опыта, чтобы не сказать *эрудиции*, в области психоневрологии...

«Складно излагает, стервец... Таковую-то речь, да без запинки, да на едином дыхании, даже мне захотелось дух перевести, – подумал *Он*. – Интересно, сколько же ты слупишь с меня за лечебный курс?»

Как бы подслушав рассуждения собеседника, Владимир Львович изрек:

– Область медицины, в которой я практикую, приучает думать о деньгах в последнюю очередь... Психоневрология – это не зубодерство... И имеет она дело с тончайшей материей – душой, которая-то и относится к истинным ценностям, таким как здоровье и любовь близких, дружба по велению души, привязанность к семье, к детям – не так уж много, как видите... У меня, разумеется, есть почасовые расценки, но к ним мы вернемся по достижении устойчивого эффекта после окончания курса...

«Ловко доктор сажает меня на крючок... Может по завершении лечения автомашину потребовать, а может просто похлопать по плечу за приятное времяпрепровождение... Вот и думай, как себя с ним вести. Да, малый не промах – сразу загоняет меня в рабство своим предложением обсудить цену за лечение по его завершении!» – *Он* с восхищением наблюдал за доктором.

– Видите ли, почтеннейший, я привык иметь дело с людьми, у которых в жизни на первом плане стоят идеалы чести, а не декларации и лозунги о них... Помните? «Душу – Богу; Сердце – Женщине; Жизнь – Отечеству; Честь – Никому!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.